ПИСЬМА КЪ ДРУЗЬЯМЪ

изъ похода въ Хиву.

Походъ въ Хиву, предпринятый въ 1839 и 1840 годахъ, по мысли и подъ предводительствомъ Оренбургскаго военнаго генералъ–губернатора (гр.) Василія Алексѣвича Перовскаго, для обузданія хищныхъ Хивинцевъ, безпокоившихъ тамошніе предѣлы Россіи, — почти вовсе у насъ не извѣстенъ. О немъ долго ходили темные слухи, и не упоминалось ни единымъ словомъ въ Русской, всѣмъ доступной, печати. Только въ 1860 году, въ Чтеніяхъ общ. ист. и др. при имп. Моск. унив. (кн. I, стр. 147–166), появилось, сколько мы знаемъ, первое печатное извѣстіе объ этомъ достопамятномъ походѣ, въ статьѣ подъ заглавіемъ *Военное предпріятіе противу Хивы*. Статья эта очевидно составлена по бумагамъ подлиннымъ и содержитъ въ себѣ

сжатое, но точное и дѣльное изложеніе всего хода дѣлъ. Цѣлью предпріятія, начатаго подъ видомъ посылки ученой экспедиціи къ Аральскому морю, было «смѣстить хана Хивы и замѣнить его надежнымъ султаномъ Кайсацкимъ, упрочить по возможности порядокъ, освободить всѣхъ плѣнныхъ, дать полную свободу торговлѣ нашей.» На издержкиотпущено 1,698,000 асс. и 12 т. червонныхъ. Въ походѣ участвовало 4 генерала, 14 штабъ–офицеровъ, и около 5,000 низшихъ чиновъ. Всѣ приготовительныя распоряженія отличались предусмотрительностью и надежностью, и однако шестимѣсячный походъ этотъ не удался въ томъ смыслѣ, что войска не достигли самой Хивы и принуждены были двинуться обратно вслѣдствіе чрезвычайныхъ снѣговъ и стужи, которая господствовала ту зиму: видно, замѣчаніе, что Русскіе всюду съ собою приносятъ холодъ, и тутъ оправдалось. Тѣмъ не менѣе цѣль предпріятія была достигнута: напуганный рѣшительными мѣрами нашего

правительства Хивинскій ханъ Аллакулъ, въ Августѣ того же 1840 г. выслалъ въ Оренбургъ долгое время томившихся у него въ плѣну и теперь одаренныхъ имъ около 500 человѣкъ Русскихъ; мало того, онъ разослалъ фирманъ съ строгимъ запрещеніемъ брать или покупать Русскихъ и вредить чѣмъ либо Россіи. Вслѣдъ за тѣмъ Русскій купецъ Деевъ возобновилъ безпрепятственную торговлю съ Хивою. Такимъ образомъ не представлялось болѣе нужды предпринимать вторичный поискъ на Хиву, къ коему было готовились въ Оренбургѣ.

Мужество въ перенесеніи тяжкихъ лишеній и бѣдствій, коими ознаменовался Хивинскій походъ, составляетъ славу Русскаго имени, и мы искренно радуемся, что счастливый случай далъ намъ возможность познакомить читателей Русскаго Архива съ живыми подробностями этого смѣлаго и необыкновеннаго, по всей обстановкѣ своей, предпріятія. У одного изъ участниковъ похода, нашего извѣстнаго писателя (бывшаго въ то время

чиновникомъ особыхъ порученій при В. А. Перовскомъ), *Владиміра Ивановича Даля*, отыскалась снимочная тетрадь тонкой Китайской бумаги, на которой (по способу, дающему два подлинника вдругъ) сухими чернилами отпечатлѣлись письма, посыланныя имъ съ похода, къ роднымъ и знакомымъ. Приносимъ нашу благодарность многоуважаемому В. И. Далю за дозволеніе напечатать нижеслѣдующія выдержки изъ этой тетради.

П. Б.

I.

Рѣка Илекъ, въ Зауральской степи, 1839 г. Ноября 25–го.

Не ждали вы отъ меня письма, и всего менѣе, можетъ, думали вечеромъ 25–го Ноября, что я сижу почти на открытомъ воздухѣ, въ кошомной кибиткѣ, при маленькомъ огонькѣ, въ кругу шести добрыхъ товарищей, на морозѣ, и пишу къ вамъ. Мы вышли въ походъ, идемъ войной и грозою на Хиву, эту дерзкую и вѣроломную сосѣдку, какъ названа она

была въ приказѣ по корпусу. Путь далекъ, 1500 верстъ, идемъ зимою, и третьяго дня было 29∞ морозу; весь отрядъ верхомъ, всѣ на коняхъ, вьюки на верблюдахъ, ихъ до 12 тысячъ. Метемъ бураномъ по степямъ и въ Генварѣ должны быть на мѣстѣ. А когда воротитесь, спросите вы, по сродному вамъ добродушію и состраданію? — Знаемъ, когда вышли, а именно 17 Ноября, а воротившись скажемъ вамъ, когда воротились. Холоду мы не боимся; говоримъ это не изъ хвастовства, а по опыту; взгляните только на насъ, и вы убѣдитесь, что мы не хвастаемъ. Стеганные, на верблюжей шерсти, куртки и архалуки, платье разнаго рода на лебяжьемъ пуху, верхнее платье изъ шкуръ молодыхъ жеребятъ, или оленьи, сибирскіе совики, киргизскіе дахи и ергаки; рукавицы и чулки козьяго пуху, изъ коего порядочные люди ткутъ столь извѣстныя вамъ кашемирскія шали, — словомъ, все запасено, припасено, и несчастные стужа, холодъ, морозъ, словомъ, вся зима, не знаетъ, съ котораго краю приступиться. Не удивляйтесь этимъ

кривымъ строкамъ: сердце пишетъ прямо, но морозъ–снѣговичъ беретъ свое, шаршавитъ по своему, а онъ у насъ, какъ видите, толмачемъ. Сидимъ на корточкахъ, въ теплыхъ кофточкахъ и совикахъ; писать не совсѣмъ ловко. Нужды нѣтъ: когда нибудь на досугѣ разберете. Вы скажете: Ахъ, Боже мой, какія страсти! за 1500 верстъ, верхомъ, зимой — и прочее, и прочее. Ну, изволите видѣть, сыромъ въ маслѣ мы конечно не катаемся, равнымъ образомъ не льзя чтобы не было въ такомъ огромномъ отрядѣ безъ разныхъ безпорядковъ, недостатка, нужды — ну придемъ домой и отдохнемъ, будемъ разсказывать ребятишкамъ своимъ и добрымъ пріятелямъ о похожденіяхъ своихъ и примѣчаніяхъ. Начинаютъ сей часъ разливать чай, а у насъ сегодня дневка — позвольте мнѣ сперва *налиться водой*, какъ говорятъ моряки, а потомъ стану продолжать.

Пепелъ отъ пылающаго костра завалилъ до того писаніе мое, что у меня едва достало духу (т. е. Uthem) отдуться отъ

этой неумѣстной присыпки. Зорю пробили, все углеглось, потому что все устало, только часовые перекликаются вкругъ нашего стана, и верблюды изрѣдка протяжно рычатъ. Опишу вамъ, отъ нечего дѣлать, артель нашу, нашъ *кошъ*, какъ его технически называютъ. Насъ въ одной кибиткѣ, по четыре шага во всѣ четыре стороны (размѣръ вѣренъ, но кибитка кругла) насъ лежитъ, на одномъ и томъ же войлокѣ, семь человѣкъ. Былъ осьмой, академистъ *Штернбергъ*, художникъ душой и тѣломъ, милый малый, о которомъ мы всѣ очень жалѣемъ — но онъ, присоединившись къ нашему походу волонтеромъ, побылъ съ нами только три дня, и, раздумавъ дѣло еще во время, воротился. Онъ ѣдетъ въ Питеръ и потомъ–вѣроятно въ Италію, гдѣ, говорятъ, нѣсколько теплѣе... Позвольте отогрѣть пальцы на огнѣ... Первый товарищъ нашъ и сожитель *Чихачевъ*, путешественникъ по званію и призванію, ein Reinfener von Brofeffion молодецъ, красавецъ, говоритъ на всѣхъ языкахъ какъ на своемъ, бывалъ въ Германіи и въ

Испаніи, въ Алжирѣ, въ Мексикѣ, но не бывалъ еще въ Хивѣ и потому отправляется туда съ нами при сей *вѣрной оказіи*. Онъ говоритъ и распѣваетъ весь день Персидскіе стихи и прозу съ муллой нашимъ и съ переводчикомъ и этимъ бѣситъ втораго нашего товарища, естествоиспытателя *Лемана*. Докторъ *Мобицъ*, который только по временамъ пытается войти въ число избранныхъ и пріютиться въ братскомъ и веселомъ теремѣ нашемъ, докторъ обыкновенно беретъ опять подъ мышку одинокую постель свою, состоящую изъ одной плохой кошомки или войлока, и отправляется въ одинокую кибитченку, гдѣ аптечная ступка съ пестикомъ обязаны принять на себя временно должность его товарища. Какъ быть, дѣло походное! Послѣдній товарищъ нашъ такой же чиновникъ какъ и я, съ тѣмъ только различіемъ, что у него совикъ (Самоѣдская оленья рубаха) изъ стараго, лѣтняго оленя, а у меня изъ лучшаго зимняго молодаго сосунка, и еще подбить лисой! Не повѣрите, что за раздолье такой кафтанъ,

или салопъ, что ваши печи... Позвольте только правую руку отогрѣть, на лѣвой славная рукавица... Вотъ такъ... Пепелъ этотъ мнѣ очень надоѣдаетъ... Вообразите теперь палаточку, въ которой съ трудомъ только помѣщаются три человѣка, посадите туда или натолкайте ее биткомъ семью человѣками, живыми, вотъ какъ мы съ вами, одѣньте эти семь человѣкъ самымъ причудливымъ образомъ, Лапландцами, Самоѣдами, Алеутами, Киргизами, полу–Черкесами, полу–Калмыками, полу–Башкирами, полу–все что угодно, право всякаго роду и наряду найдется въ одеждѣ нашей по клочку... — вообразите все это, и вы видѣте насъ. Прислушайтесь, и вы услышите Англійский, Испанскій, Нѣемецкій и Французскій языки, Малоросійскія, Персидскія и Русскія пѣсни, Татарскій говоръ, а подлѣ, въ двухъ шагахъ, рычатъ скучные и жалкіе верблюды. Загляните, и вы увидите на рѣшеткѣ кибитки Черкесскую шашку, Испанскій, Толеданскій палашъ, казачью саблю, Персидскій, Индѣйскій, Турецкій

кинжалъ: увидите сотню предметовъ скомканныхъ какъ въ мѣшкѣ, которымъ, для васъ, нѣтъ названья, потому что вы ихъ не видывали и не знаете, хотя мы здѣсь не можемъ безъ нихъ обойтись. Положимъ, вы поймете, если я скажу, что тутъ стоитъ котелокъ, таганъ, баклашка, но что вамъ въ томъ, если я скажу, что тутъ навалены торсуки, сабы, треноги, курджуны([1]), и проч.? А между тѣмъ это наше хозяйство.... Позвольте мнѣ теперь поворотиться на другой бокъ: у меня спереди Покровъ, а сзади Рождество, т. е. тутъ огонь, а тамъ морозъ... Хотите ли теперь взглянуть среди дня на караванъ нашъ? Вообразите снѣжную степь, по которой видимо–не видимо, сколько глазъ займетъ во всѣ стороны, все верблюды съ огромными вьюками, гора горой, все вьюки и верблюды, а по сторонамъ прикрытіе: казаки, артиллерія и пѣхота... На этомъ словѣ вчера остановился. Сегодня, 26–е, въ воскресенье опять дневка; мы сошлись тутъ, всѣ четыре отряда вмѣстѣ, и теперь

([1]) Переметная сума.

пойдемъ въ полномъ составѣ, дружно и густо, чтобы никто не могъ обидѣть, чтобы быть сильнѣе всякой силы кромѣ Божьей, на которую душой и сердцемъ уповаемъ. Онъ выведетъ насъ отселѣ черезъ 7, 8 мѣсяцевъ, или скорѣе, коли Ему угодно, и мы заживемъ опять новою жизнью, вдвое оцѣнимъ домашній бытъ и домашнее благо свое.

II.

5 Декабря 1839. Биштамакъ.

Сегодня 6 Дек., большой и благодатный праздникъ: мы справляемъ его на Биштамакѣ, верстахъ въ 270 отъ Оренбурга; слѣдов. шестую долю пути своего кончили, прошли, и прошли благополучно. Скажу вамъ, милые мои, съ тѣмъ чтобъ это осталось между нами, что у насъ нынѣ 31 1/2 градусовъ, и что порядочный морозецъ, какъ говорятъ Уральцы, прохватываетъ ровно огнемъ. Впрочемъ, по совѣсти, мы еще ни разу не зябли, и въ цѣломъ отрядѣ нѣтъ ни одного человѣка съ ознобами, за исключеніемъ одного старика Киргиза. Больныхъ, коихъ болѣзнь можно бы приписать походу, также нѣтъ; простудныя и другія случайныя болѣзни и нѣсколько вновь открывшихся хроническихъ. Сижу и пишу теперь въ кибиткѣ, въ общей нашей такъ называемой каютъ–компаніи, и пишу при 30∞ слишкомъ морозу, безъ перчатокъ, и руки

ничуть не зябнутъ: у насъ желѣзная печь. Путемъ доселѣ всегда было сѣно и дрова. Сѣно покупали у Кайсаковъ, которые по Илеку удивительно много накосили сѣна; дрова мѣстами тальникъ и другой кустарникъ, а въ помощь ему и кизечекъ, коими насъ также иногда снабжали аулы. Впрочемъ, въ такую бѣду, какъ сегодня, горитъ все, даже свѣжій навозъ изъ подъ верблюдовъ; этому въ городѣ трудно повѣрить. Посадилъ бы я еще прихотливаго жителя городскаго въ нашу кибитку, такого, которому дуетъ и несетъ изо всякаго угла и окна, и прихоти бы исчезли. Спасительное дѣло для насъ, что В. А.([2]) завелъ на свой счетъ общественную трапезу и большую кибитку, въ которой всегда огонекъ: безъ этого мы бы замерзали каждый по одиночкѣ въ своемъ углу, потому что невозможно на каждаго отдѣльно запастись дровами, и нельзя было бы даже ставить для каждаго по одиночкѣ чай. Кайсаки въ походахъ и поѣздкахъ своихъ всегда раздѣваются на ночь до нага: они

([2]) Эти буквы (здѣсь и вездѣ ниже) означаютъ (гр.) В. А. Перовскаго.

увѣряютъ, что это гораздо теплѣе, если только хорошо завернуться и укрыться. Я доселѣ, въ продолженіи 19–ти ночей, только два раза не раздѣвался; я нахожу, что дѣйствительно раздѣвшись гораздо теплѣе, и сегодня напр., при этой стужѣ, я спалъ въ мѣшкѣ своемъ, накрывшись тулупомъ и кошмой, какъ у Бога за пазухой. Конечно тамъ, гдѣ по ночамъ могутъ быть внезапныя тревоги, это не удобно: тамъ раздѣваться нельзя. Признаюсь, я никогда не думалъ, что, одѣвшись хорошо, можно до такой степени хорошо переносить такую стужу; я, увѣряю васъ, не зябъ еще ни разу. Ночью въ юлламѣ (кибиткѣ нашей) никогда не горитъ огонь, а шесть человѣкъ грѣютъ другъ друга прекрасно. Вотъ вамъ цѣлая страница о холодѣ, о морозѣ, о теплѣ, объ огнѣ и прочее. Поговоримъ о другой, не менѣе важной, статьѣ: это обѣдъ, чай и проч. Мы выступаемъ каждый день съ разсвѣтомъ, иногда немножко прежде; становимся въ 2 часа, потому что дни коротки, а скотинѣ, и въ особенности верблюдамъ, которые

ночью не ѣдятъ, надо покушать. Такимъ образомъ, прошедши 15–25 верстъ, распускаемъ верблюдовъ и лошадей на тебеневку; верблюды наѣдаются въ $1^1/_2$, 2 часа, потомъ ихъ пригоняютъ и укладываютъ на кошмы, расчистивъ напередъ снѣгъ; кони остаются на всю ночь въ полѣ: лошадь не жуетъ жвачки и потому не можетъ наѣдаться въ такое короткое время. Между тѣмъ, какъ только пришли мы на мѣсто, раскидываютъ живо двѣ кибитки, генеральскую и вертепъ, какъ мы его называемъ, каютъ–компанію, или общественную: ставятъ самоваръ, наливаютъ чай и заваривaютъ сбитень; мы грѣемся и пьемъ, между тѣмъ, часамъ къ семи или восьми, поспѣваетъ обѣдъ: щи, супъ и другое блюдо — каша, или капуста, селянка, баранина, говядина, а иногда, какъ вчера и третьяго дня, жеребятинка, которая, мимоходомъ сказать, очень хороша, какъ самая лучшая, кормленная мягкая говядина. Пообѣдавши принимаемся опять за чай да за сбитень; у кого есть дѣло, бѣгаетъ, хлопочетъ по отряду и

прибѣжавши въ сборную нашу похлопываетъ рукавицами и кричитъ: чаю, сбитню! Часовъ въ 8, а много въ 9, все залегло уже спать. Встаютъ въ 3 часа: весь лагерь просыпается, начинается крикъ, шумъ, бѣготня, кони ржутъ, верблюды рычатъ; это бываетъ вслѣдъ за генералъ–маршемъ, въ 3 часа; въ 6 барабанъ бьетъ сборъ, вьючатъ, сымаютъ кибитки и выходятъ, напившись разумѣется чаю, и нахлебавшись жиденькой кашицы. Такъ тянемъ мы день за день, время уходитъ, — и скоро, скоро пролетятъ не только эти полгода, но и много другихъ полугодовъ и годовъ....

Надобно вамъ однако же разсказать плачевную и непріятную продѣлку: на дняхъ у насъ одного солдата разстрѣляли. Какъ быть! онъ ушелъ съ часовъ, покинувъ ружье, потомъ бѣжалъ, укралъ другое ружье, и пр. Время военное, опасное, пѣхота чрезмѣрно избалована, необходимо было показать примѣръ, для острастки. Къ счастію, такъ по крайней мѣрѣ я сужу по своимъ чувствамъ, казненный бѣднякъ

былъ до того глупъ и тупъ, что по видимому вся ужасная церемонія эта, причащеніе и отпѣваніе за–живо, не сдѣлали на него никакого впечатлѣнія; — а смерть всякая одинакова, и скорая смерть лучше медленной и томительной. Во всякомъ случаѣ не льзя было не наказать виноватаго тѣлесно, и такъ, что онъ бы можетъ быть на всегда былъ калѣкою, а можетъ быть и умеръ бы; по этому — спокойной ему ночи и благодатнаго утра!

Маркитантъ нашъ, Зайчиковъ, или Деевъ взялъ съ собою пару добрыхъ собакъ, и мы уже затравили шесть лисицъ и волка. Для перемѣны и это забава. Леманъ очень прилежно ловитъ мышей. *Ханыковъ* спитъ отлично хорошо и занялъ постоянное мѣсто въ каютъ–компаніи противъ печки; одѣтъ онъ въ огромный, мохнатый совикъ свой и лѣтнюю легонькую шапочку на кожѣ: онъ не можетъ одѣвать тепло голову. Я постоянно одѣваюсь въ стеганную куртку и шаровары, или въ лебяжью, а сверху совикъ Штернберга и шапку, столь извѣстную, изъ бѣляка (тюленя), которая,

помните? — надѣвается отъ маковки и по самыя плеча. Говоря о болѣзняхъ, забылъ я упомянуть, что у насъ было уже человѣкъ шесть больныхъ Сибирской язвой, не смотря на морозъ; человѣка два умерли. Страшная, непонятная болѣзнь, и странно, что она открылась теперь, въ такую жестокую стужу! Всѣ тѣ, которые пришли во время и можно было хорошо вырѣзать язву, остались живы.

Сей часъ всѣ пошли на молебствіе, 10 часовъ утра, а я остался, потому что надобно еще написать кой какія бумаги... Сижу въ теплой кибиткѣ В. А., гдѣ стоитъ большая кухонная печь, и сижу тепло: въ кибиткѣ этой теперь на полу 15∞, на столѣ 4∞, а на вышину головы 22∞. В. А. теперь здоровъ; у него было разболѣлись глаза, и признаюсь, я за него боялся: какая возможность пользовать ихъ при такихъ обстоятельствахъ? Теперь, отъ стужи внѣ и жару внутри кибитки, у него высыпало и обметало лицо, и вслѣдъ за тѣмъ глазамъ стало гораздо легче. Было у насъ нѣсколько человѣкъ больныхъ жабою,

angina tonəilariə, но омеопатія, пріемъ белладоны, устраняла болѣзнь каждый разъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ. Сегодня у насъ походный обѣдъ великолѣпный — четыре кушанья, шампанское и проч. Между тѣмъ все таки обѣдаемъ, какъ и прежде, стоя и походя, въ деревянныхъ чашкахъ, кто гдѣ и какъ умудрится. Къ вечеру будетъ обильная либація и пуншація, по русски: благородная попойка, въ общемъ собраніи, за здравіе Царя, за котораго идемъ драться. Прощайте.

III.

Декабря 8–го 1859 г. 12 верстъ отъ Биштамака.

Здравствуйте еще разъ. Пишу на скучной и невольной дневкѣ, послѣ жестокой стужи, которую всѣ мы перенесли удивительно хорошо, потому что право даже почти не зябли; принуждены были сегодня остановиться и простояли сложа руки цѣлый день: буранъ; мететъ такъ, что свѣту Божьяго не видно, и притомъ — 22°, слѣдовательно идти невозможно; а я, стоя на колѣняхъ, какъ провинившійся школьникъ, пишу въ теплой кибиткѣ В. А. и могу писать не отогрѣвая рукъ, потому что висящій передо мной тепломѣръ показываетъ 3. Это уже такъ тепло, что изъ рукъ вонъ! Небо пасмурное, солнце плаваетъ въ какомъ–то полупрозрачномъ сумракѣ, блѣдное, не окраенное; кони стоятъ въ мерзлыхъ кожанныхъ попонахъ какъ въ латахъ, повѣсили головы и ждутъ овсеца, гривы сбиты въ ледяныя сосульки, клочья снѣгу покрываютъ хребетъ;

верблюды лежатъ какъ мертвые на подстилкахъ своихъ, одинъ подлѣ однаго, какъ тюки, какъ огромные связки или чемоданы, жуютъ и пережевываютъ вчерашнее, а сегодня Богъ дастъ! Нельзя было даже выгнать ихъ на тебеневку: буранъ, того и гляди, загонитъ ихъ Богъ вѣсть куда, да и ѣсть не станутъ, а столпятся въ кучу и пойдутъ по вѣтру. Все поле укрыто шатрами, запорошенными бѣлымъ снѣгомъ; дымокъ вырывается тутъ и тамъ изъ боковой щелки между кошмъ, и вихорь уноситъ его и мгновенно развѣваетъ, какъ глотокъ табачнаго дыму, пущенный на вѣтеръ. Тутъ и тамъ подымаютъ верблюда со спокойнаго ложа его; мохнатый Кайсакъ взгромаживается самъ–другъ на четвероногій горбъ этотъ и отправляется за кустарникомъ, за бурьяномъ; — верблюдъ жалобно рычитъ и просится въ свою спаленку, т. е. на кошму; казаки и солдаты, должностные, бѣгаютъ закутанные съ ногъ до головы, мелькаютъ между кибитокъ и похлопываютъ махнушками своими, рука объ руку. Уралецъ глядитъ молодцомъ,

отвѣчаетъ, если спросите холодно ли, «небольно морозно, ваше бл–діе, терпѣть можно». Жалкій служивый линейныхъ баталіоновъ глядитъ, съ позволенія сказать, бабой: наушники, налобникъ и наличникъ его обмерзли кругомъ цѣлою бахромою сосулекъ. Въ двухъ мѣстахъ въ эту минуту раздаются пѣсни; вплоть у кибитки, гдѣ я пишу, поютъ штабные господа наши въ буфетѣ или каютъ–кампаніи, поютъ разладицей и каждый свое, — а тамъ подальше, человѣкъ двѣнадцать Уральцевъ затягиваютъ согласно: «Охъ ты милый мой, милъ сердечный другъ». Вотъ вамъ весь бытъ нашъ: пусть Штернбергъ, измѣнникъ, его нарисуетъ. Чтобы согрѣть маленько воображеніе ваше, скажу еще, что вчера прибыли на Биштамакъ къ намъ 50 дровней съ дровами изъ Орска, а сегодня часть дровянаго транспорта, посланнаго въ догонку изъ Илецка. Всего ихъ до 500 верблюдовъ; но караванъ подъ командой извѣстнаго Грозненскаго батыря, Оренбургскаго войска хорунжаго Петрова. Это тотъ самый, который сидѣлъ недѣли

двѣ на гауптвахтѣ за то, что неловко или неосторожно, какъ самъ онъ говоритъ, неосторожно снялъ съ лошади одного строптиваго Киргизскаго старшину, сломивъ ему руку и ногу. Но караванъ, сказалъ я, сбился и заплутался ночью, когда его захватилъ буранъ, и прибываетъ сегодня по частямъ. На Биштамакѣ было сѣна довольно; здѣсь также, и мы уже запасаемся дней на 12–14, до Эмбскаго укрѣпленія. Невыгода наша, въ сравненіи съ купеческими караванами, велика: въ караванѣ всякій хозяинъ идетъ съ верблюдами своими, бережетъ ихъ, холитъ, разгребаетъ подъ ними снѣгъ, подстилаетъ имъ кошмы; всякій выходитъ какъ успѣлъ навьючить, не дожидаясь никого; а у насъ солдатъ говоритъ: чортъ дери верблюда, былъ бы живъ я! И не смотря ни на какой присмотръ, верблюды иногда терпятъ безъ нужды горе, колѣютъ и гибнутъ. У насъ идутъ военнымъ порядкомъ: правая колонна, лѣвая колонна, въ срединѣ паркъ, артиллерія, штабъ, авангардъ, аріергардъ, который подбираетъ отсталыхъ, и все это

должно сняться вдругъ, а вьючится исподволь: верблюды лежатъ завьюченные часа по три и ожидаютъ неготовыхъ, а это тяжело. Сверхъ того, караваны мѣняютъ усталыхъ верблюдовъ на пути и размѣниваютъ ихъ на обратномъ слѣдованіи. Всего этого намъ нельзя дѣлать, и не смотря на все это, мы придемъ благополучно, сдѣлаемъ что приказано и воротимся къ своимъ. Всякій изъ насъ убѣжденъ въ необходимости и въ пользѣ этой мѣры, что крайность заставила правительство наше поднять на этихъ воровъ копье и штыкъ; всякій идетъ охотно, не только по долгу, но и по убѣжденію.

Шесть часовъ. Бьютъ зорю. Снѣгъ хруститъ за кибиткой. Буранъ стихаетъ. Я выглянулъ за двери и велѣлъ ставить чай, и пожалѣлъ, что Штернберга нѣтъ съ нами. Лунный свѣтъ сверху, зарево огней снизу, а въ срединѣ лазоревая тьма. На землѣ кипитъ еще кровь наша, выше земли тьма, для насъ непроницаемая, еще выше свѣтъ, а какой, можно только иногда догадываться, когда душа безотчетно къ нему стремится и

его пугается. Но какая это догадка? Догадка слѣпаго о цвѣтѣ молока, по разсказу поводатаря, что оно походитъ цвѣтомъ на гуся, котораго слѣпой также знаетъ только ощупавъ руку поводатаря, согнутую клюкой для изображенія гуся!.... Хозяйство мое не слишкомъ озабочиваетъ и безпокоитъ меня.... Вообще слава Богу, все идетъ довольно дружно, живутъ большею частію по людски, а это, ей Богу, не бездѣлица. Мы сидимъ въ одномъ мѣшкѣ, и грызться, коситься и отплевываться тѣсно. Заканчиваю на сегодня, въ другой разъ болѣе; тѣсно, и генералъ *Молоствовъ* пришелъ, совѣстно занимать у него мѣсто, а я пишу на его кровати.

Продолжаю 9 Дек. Сидимъ вкургъ огонька. Чихачевъ разсказываетъ, какъ онъ, близь Квито, въ Коломбіи, долженъ былъ проходить каждый разъ черезъ экваторъ, чтобы спросить стаканъ воды, т. е. черезъ черту, которую Lacondamine ([3]) провелъ. В. А. также вошелъ сей часъ и забавлялся долго, слушая громкіе споры

---

(3) Извѣстный ученый путешественникъ.

веселой братіи, которая его не замѣчала. Благородный, душевно уважаемый Молоствовъ, который теперь командуетъ нашей колонной, сидитъ, насунувъ мягкую казачью шапку на брови и дремлетъ, сей часъ спѣлъ онъ намъ солдатскую пѣсню и затихъ: онъ сердечный усталъ, проработавъ весь день. Чихачевъ сдѣланъ попечителемъ госпиталя. Я по крайней мѣрѣ числюсь секретаремъ и гофмаршаломъ. Одинъ Ханыковъ благоденствуетъ въ бездѣйствіи, постоянно засѣдаетъ въ огромномъ совикѣ своемъ и въ лѣтней фураженкѣ предъ огонькомъ, на стулѣ, на первомъ мѣстѣ, и не встаетъ ни въ какомъ случаѣ съ мѣста, чтобы его не заняли, а зоветъ Курумбая, который въ цѣломъ отрядѣ вошелъ уже въ пословицу. Разговоръ идетъ объ акцизѣ, откупѣ, налогахъ, монополіи.

10–го Декабря. Сегодня вышли въ $^1/_2$ 5–го и пришли на мѣсто рано, въ $^1/_2$ 11–го, на рѣчку Таласъ–бай, которая течетъ омутами, пропадаетъ подъ землей и снова выходитъ. Это одинъ изъ пяти притоковъ р. Илека, который составляется у Бишъ–

тамака пятью рѣчками. Бишъ–тамакъ значитъ *пять устьевъ*. Сегодня утромъ было болѣе 30°, теперь 28°; при всемъ томъ, слава Богу, мы не зябнемъ. Сижу теперь у желѣзной печи въ каютъ–кампанiи, пишу на стулѣ, стоя на колѣняхъ. До Эмбы осталось намъ 6–8 дней ходу, потомъ до Усть–Урта двѣ недѣли, по Теть–Урту столько же — и пришли! Надобно же надѣяться, что жестокiе морозы прекратятся, и погода установится потеплѣе. Я, откровенно говоря, самъ удивляюсь, что все это намъ такъ хорошо съ рукъ сходитъ и что мы живемъ припѣваючи при постоянной стужѣ въ 20–30 градусовъ. Ночь довольно тихая; бьютъ зорю — слышны только оклики часовыхъ и позывы того и другаго къ корпусному командиру. Знаете ли что? Въ лагерѣ трудно иногда доискаться того или другаго, — этотъ полевой и подвижной таборъ становится каждый день на новое мѣсто, улицъ и переулковъ нѣтъ, по этому заведено разъ навсегда, во всѣхъ походахъ, что начальникъ зоветъ подчиненнаго просто во весь голосъ изъ своей кибитки, и

кричитъ: передавай! Въ одну минуту весь лагерь оглашается именемъ того, кого ищутъ, съ прибавленіемъ къ кому — и всякого легко отыскать. Больныхъ у насъ многонько; все лихорадки и горячки, 3–4 озноба, не значительныхъ впрочемъ; поносы, нѣсколько возобновившихся хроническихъ болѣзней. Старикъ Молоствовъ захворалъ, говорятъ, что худо переносить сильную стужу; у В. А. глаза совсѣмъ поправились, слава Богу. Изъ насъ нѣтъ ни одного больнаго, только Иванинъ захворалъ, потому что хотѣлъ непремѣнно поставить на своемъ и вытерпѣть весь походъ въ одномъ тепломъ сюртукѣ и *холодной* шинели верблюжьяго сукна; я его много уговаривалъ, но онъ увѣрялъ, что ему тепло. Дѣлаютъ чай: еслибъ вы увидѣли этотъ сбродъ пестрыхъ, цвѣтныхъ, полосатыхъ, одноцвѣтныхъ и всякаго калибра халаты, куртки, шпенсеры, сертуки, черкески, казакины, чекмени и чекменьки, увѣряю васъ, что это стоитъ кисти Штернберга, особенно если бы онъ не упустилъ разнообразные шапки, кушаки,

пояса, платки, шали, косынки и пр. «Оселъ въ квадратѣ» восклицаетъ въ эту минуту Ханыковъ «что я не взялъ съ собою перины!» Надо вамъ сказать, что ему Курумбай стелетъ каждый день семь ковровъ, семнадцать кошмъ и полстей, подушки, тулупы, шубы, но ему, Сарданапальской душѣ, всего этого мало! Онъ и теперь, какъ обыкновенно, занимаетъ мѣсто предсѣдателя передъ топкой желѣзной печки и курить изъ черешневаго чубука своего талежникъ въ оглоблю. Да, у Волженцова, молодаго казака, который взятъ нами для съемки шкуръ и проч., у него сѣла на подбородокъ Сибирская язва; вырѣзали, присыпали во время, и все прошло благополучно; онъ здоровъ. Добрый ночи.

21–го Дек. на Эмбѣ, въ укрѣпленіи нашемъ Аты–Якши, что значитъ по Русски: *доброе имя*. Ура! 500 вер. прошли; не успѣемъ оглянуться какъ пройдемъ и еще столько, да полстолько, да еще одну версту — и пришли. Зима жестокая; 16° у насъ ни почемъ, что называется тепло, если

только нѣтъ вѣтру. Только два дня было у насъ 10° и въ полдень еще меньше, теперь снова наладилъ морозъ–снѣговичъ 16, 18, 20, 25. Благодаря Бога, все удивительно благополучно, всего не болѣе человѣкъ десяти познобили себѣ пальцы или персты на ногахъ; никто не замерзъ, и одинъ только отморозилъ ногу, да и то такъ, что по всей вѣроятности она еще будетъ цѣла. Вы заботитесь обо мнѣ: говоря по совѣсти, положивъ руку на сердце, я со времени выхода изъ Оренбурга не *зябъ*, не только не подвергался опасности отморозить руку или ногу. Многіе познобили себѣ носы, щеки, это правда, и у многихъ наростаетъ на лицѣ другая и третія шкура; но я невредимъ доселѣ и приписываю это осторожности своей. Многіе чрезвычайно легко одѣты; увѣряютъ, что теплѣе одѣваться тяжело и пр. Я совсѣмъ съ этимъ не согласенъ; я одѣтъ очень тепло и притомъ легко сажусь на лошадь, двигаю руки и ноги безъ затрудненія. Не заботьтесь также объ утратѣ знаменитаго совика моего, которому нѣтъ подобнаго во всей поднебесной, или

по крайней мѣрѣ въ нашемъ отрядѣ. Совикъ Штернберга также довольно одолжителенъ, и лебяжья куртка, которую я еще покрылъ верблюжьимъ сукномъ и не спускаю съ плечь, грѣетъ какъ печь. Вы все хотите подробностей, велите избѣгать общихъ мѣстъ и замѣчанiй! Вотъ они вамъ, не скучайте, сами на нихъ напросились. Ханыковъ, получивъ имя Сарданапалъ–паши, съ минуты прибытiя нашего на Эмбу, переселился въ укрѣпленiе къ астроному Васильеву, и мы его больше не видимъ. Сегодня несчастный Курумбай его потащилъ туда на плечахъ своихъ семисаженную кошму, ковры, подушки и всю спальную сбрую. Верблюдовъ угнали верстъ за 10 на тебеневку; поэтому Курумбай долженъ былъ взять на себя ихъ обязанность, а постель Ханыкова право составляетъ хорошiй вьюкъ. Васильевъ опредѣлилъ широту и долготу Аты–якши: $3^1/_2$ градуса южнѣе Оренбурга и $2^1/_{20}$ восточнѣе. Это стало быть широта винограда, кипариса и почти даже винныхъ ягодъ и оливки, — а у насъ снѣгъ завалилъ

все, буранъ свищетъ, и трескучій морозъ погоняетъ рьяныхъ коней, коней своихъ во всю Ивановскую и собрался, кажется, гнать насъ до самаго нельзя. Боялись, что мало будетъ снѣгу: что впередъ Богъ дастъ, а именно на Усть–уртѣ и здѣсь небесной манны этой въ волю. Она насъ питаетъ: уже много разъ ночевали мы безъ воды. Далѣе: Леманъ усердно распарываетъ мышей и въ Самоѣдской ермолкѣ своей много походитъ на папу Пія VII–го. Чихачевъ, какъ попечитель больницы, много хлопочетъ и до того заботится о лошадяхъ своихъ, что идетъ всегда 3/4 перехода пѣшкомъ и не спитъ ночь, навѣдываясь по часту, хорошо ли ихъ кормятъ. Теперь мы опять у сѣна, а нѣсколько дней кони голодали и отрывали бѣдный кормъ подъ глубокимъ снѣгомъ. Сегодня считали и пересчитывали всѣхъ верблюдовъ, осматривали, много ли плохихъ, негодныхъ вовсе и хорошихъ: почти пятая часть оказываются негодными и должны быть выписаны въ инвалиды. Это досадно: подновить ихъ нечѣмъ! Далѣе: Мулла будетъ скоро разстриженъ,

поступаетъ въ войско, съ чиномъ урядника и черезъ два–три дня произведенъ будетъ въ хорунжаго: честолюбіе морозитъ и убиваетъ насъ, а дивизіонъ 1–го казачьяго полка портитъ кровь, взвариваетъ желчь и заставляетъ говорить печенкой вмѣсто легкаго. Мулла ретивый и честный, надежный парень. Смѣшитъ онъ насъ, когда завернувшись вечеромъ въ огромную кошму свою, занимаетъ мѣсто за троихъ, и если кто начинаетъ ссориться съ нимъ и требовать, чтобъ онъ легъ поубористѣе, поумѣстительнѣе, то кряхтитъ, стонетъ и притворяется больнымъ. За это ему столько достается, что онъ увѣряетъ и божится, что дѣлаетъ это во снѣ и самъ того не помнитъ. Мы впрочемъ раздѣлились на двѣ юлламы: шестерымъ тѣсно, нельзя разводить огня. Теперь мы стоимъ въ одной три, въ другой четыре человѣка, лежимъ просторно и разводимъ огонекъ. При томъ нѣкоторые изъ сотоварищей нашихъ негодовали на беззаботность другихъ, которые отнюдь не хотятъ похлопотать даже за себя и предоставляютъ это занятіе любителямъ.

Мулла, Ивановъ, Чихачевъ и я въ одной юлламѣ, а въ двухъ шагахъ отъ насъ Леманъ, Ханыковъ и корнетъ Шоттъ, ординарецъ В. А. Впрочемъ артель наша не раздѣлилась: кони, люди и верблюды остались подъ вѣденіемъ Иванова, а мулла произведенъ въ чай–баши, и разливаетъ въ кибитченкѣ нашей чай. Знаете ли, какъ хорошо посидѣть вокругъ огонька и пить чаекъ!

Въ укрѣпленіи гарнизонъ живетъ въ довольно опрятныхъ и удобныхъ землянкахъ, но воздухъ въ нихъ спертый, нездоровый и ничѣмъ не можетъ быть исправленъ. В. А. покупаетъ у здѣшнихъ Кайсаковъ нѣсколько кибитокъ съ тѣмъ, чтобы помѣстить въ нихъ часть больныхъ и здоровыхъ. Я также согласенъ, что въ кибиткахъ, съ огоньками, жить гораздо здоровѣе. Кайсаки всѣ кочуютъ спокойно на своихъ мѣстахъ, ничего не боятся, и доселѣ ихъ никто не тронулъ волоскомъ. Старый хрѣнъ Юсупъ Кулановъ явился съ просьбою, чтобы камышъ на зимовьѣ его, верстахъ въ 8 отсюда, былъ пощаженъ.

Вѣроятно просьбу его исполнятъ, хотя для насъ это очень неудобно.

IV.

Аты–Якши, на р. Эмбѣ, 23 Декабря.

Вчера мы было уговорились съ удалымъ уральскимъ есауломъ Назаровымъ (Максимомъ) ѣхать сегодня до свѣту на кабановъ, которыхъ здѣсь въ камышахъ много. Я всталъ сегодня часа за полтора до свѣту, вышелъ съ холода на холодъ, потому что въ юлламѣ нашей также не было еще огня, — снѣгъ сильно захрустѣлъ подъ ногами, дыханіе мгновенно мерзло на длинныхъ усахъ и на бородѣ: я не брился уже болѣе мѣсяца, со дня выступленія изъ Оренбурга. Окинувъ взглядомъ воротникъ тулупа, подъ которымъ провелъ ночь, я встрѣтилъ нѣсколько длинныхъ сосулекъ: видно холодно. Подошедши съ фонаремъ къ термометру Чихачева, висящему постоянно подъ часами, у кибитки В. А., я узналъ, что и сегодня опять 26°. Воздухъ тихъ, небо ясно, звѣзды сверкаютъ. Подумавъ хорошенько, разсудилъ, что лучше остаться дома, особенно еще послѣ бани, или лучше выразиться по польски:

мовни, потому что я съ Ивановымъ вымылся вчера вечеромъ у Зайчикова въ землянкѣ. И такъ я пошелъ въ юлламу Назарова, который занимался разливкою чая, и объявилъ, что я на сегодня отщепетецъ. Ханыковъ, который, на все время нашего здѣсь пребыванія, перебрался въ укрѣпленіе къ Васильеву, снарядился однакоже и поѣхалъ на кабановъ. Онъ былъ замѣчательно уродливъ въ огромномъ, толстомъ совикѣ своемъ, съ ружьемъ (въ чехлѣ) за плечами, особенно, когда сердился въ это время и подбиралъ пули и патроны по калибру. Я совѣтовалъ ему дружески оставить воинственныя, предпріимчивыя затѣи свои и ѣхать просто зрителемъ, потому что кабанъ иногда не любитъ шутить, а испуганная выстрѣломъ и нападеніемъ кабана лошадь не рѣдко скидываетъ подобныхъ ѣздоковъ. Онъ однакоже пребылъ твердъ и не поколебимъ: пошли ему Господь на этотъ разъ побольше равновѣсія. Напившись чаю, вышелъ я взглянуть на восходящее солнышко, мутное, блѣдное, сонное, — и увидѣлъ

вмѣсто одного солнца три. При нынѣшней стужѣ мы уже частенько видѣли эти побочные облики Аполлона, но ни разу еще обликъ не былъ такъ хорошъ, какъ сегодня. Рѣшительно нельзя было сказать, которое изъ трехъ видимыхъ свѣтилъ настоящее солнце: можно было только догадываться, что это, какъ обыкновенно, среднее. Я забылъ сказать, что передъ самымъ восходомъ надъ солнцемъ поднялся высокій столпъ яркаго свѣта, потомъ уже явились три солнца, потомъ вскорѣ начали тускнѣть, два изъ нихъ приняли радужные цвѣта и растянулись нѣсколько по виртикалу, края ихъ заплыли, и ярче разгорѣвшееся солнце разогнало остатки своего подобія. День ясный, тихій, почти теплый — а 26°!! Въ землянкахъ укрѣпленія 8°–10° тепла, а между тѣмъ тамъ жарко и душно: дыханіе видно, какъ въ холодной комнатѣ, а намъ, окостнѣвшимъ уже на морозѣ, жарко. Свѣтлыя искры льются по воздуху, переливая фіалковые, радужные цвѣта: блескъ снѣга на землѣ невыносимъ безъ наглазниковъ, и больнымъ, которыхъ

въ одномъ нашемъ т. е. 4–мъ отрядѣ болѣе 70 человѣкъ, не хорошо: тутъ никакое лѣкарство не помогаетъ, коли самъ не подымешься. Болѣзни большею частію простудныя, въ укрѣпленіи напротивъ до сотни человѣкъ горячешныхъ, цынготныхъ и проч. Землянки ихъ хороши, но землянка всегда землянка: будь она опрятна и свѣтла, все она подъ землей! Вотъ почему, кажется, очень хорошо дѣлаютъ, что хотятъ вывести большую часть гарнизона въ кибитки. Вѣрьте мнѣ, въ кибиткѣ и при 30° хорошо и тепло, былъ бы только днемъ огонекъ, хоть маленькій, чтобы можно погрѣться глазами и воображеніемъ, — и былъ бы на ночь хорошій тулупъ да кошма. И такъ, морозу мы не боимся, не шутя: пушу это при 26°, въ такое время, когда впродолженіи мѣсяца два только раза термометръ показывалъ менѣе 10°, шесть разъ болѣе 28–ми, двѣнадцать дней болѣе 20–ти. Мы простоимъ здѣсь съ недѣлю или болѣе: можетъ статься, морозы спадутъ. Это было бы желательно для нижнихъ чиновъ, которые не могутъ раскладывать

бивачныхъ костровъ, а иногда съ нуждою только сварятъ свою кашицу. Ихъ кормятъ очень хорошо, теперь даютъ по цѣлому фунту мяса въ день. Здѣсь вблизи кочуютъ Назаровцы (Чиклинцы) и начинаютъ уже садиться на зимовье. Отрядъ нашъ проходилъ мѣстами вплоть мимо ауловъ ихъ, и къ чести отряда должно сказать, что никто не тронулъ Кайсаковъ пальцемъ, не смѣлъ взять волоска, или клока шерсти, не говоря уже о баранѣ. Я не думалъ, что все это обойдется и можетъ обойтись такъ чинно. Извѣстный батырь — въ старые годы наѣздникъ и воръ — Юсупъ Кулановъ получилъ вчера хорошіе подарки, между прочимъ синій кафтанъ, двуствольное ружье и золотой перстень съ арабскою надписью. Старикъ, лѣтъ 80, былъ очень доволенъ и обѣщалъ стараться о пополненіи недостающихъ верблюдовъ, лошадей и рогатаго скота. Для этого черезъ недѣлю будетъ у насъ туй, т. е. пиръ, на который должны собраться всѣ ближніе Назаровцы и вести съ собою скотъ, что у кого лишнее

есть, и за каждую голову будутъ платиться деньги.

Написавъ это, я отправился въ столицу нашу, въ укрѣпленіе, самъ не зная, за чѣмъ и къ кому, такъ прогуляться. Вдругъ входитъ Ханыковъ, мерзлый, отчаянный; онъ воротился съ неудачной охоты, и говоритъ: «идите скорѣе въ лагерь, васъ ищутъ: гонцы прибыли съ Акъ–Булака (со втораго укрѣпленія) съ извѣстіемъ, что тамъ дерутся съ Хивинцами». Вотъ разсказъ посланныхъ: 13–го Декабря отправлены были отселѣ 130 человѣкъ пѣхоты и сотня казаковъ въ Акъ–Булакъ, чтобы привести оттолѣ всѣхъ больныхъ, до сотни. Команда эта, ничего не чая, остановилась для послѣдняго ночлега 18 Дек. верстъ за 10 недоходя укрѣпленія, и ночью вдругъ Хивинцы съ крикомъ и визгомъ напали, кинувшись напередъ всего на лошадей. Лошади были стреножены, но до 30 треногъ лопнуло, и кони шарахнулись безъ удержу; 40 верблюдовъ поскакали за ними вслѣдъ. Между тѣмъ отрядецъ справился, собралъ остальныхъ лошадей и

верблюдовъ, окружилъ себя заваломъ изъ телегъ и вьюковъ и благополучно выдержалъ $1^1/_2$ дневную осаду отъ 2–хъ до 3–хъ тысячъ Туркменъ, Каракалпаковъ и Хивинцевъ. Казаки и солдаты отстрѣливались славно, кидались нѣсколько разъ изъ засады своей на непріятеля, который наконецъ принужденъ былъ удалиться. Съ нашей стороны убиты: три солдата и два казака; ранено 11. У Хивинцевъ потеря не извѣстна, потому что они утаскивали убитыхъ и раненыхъ съ собою; но сами посланные, бывшіе вожаками при отрядѣ, видѣли 8 человѣкъ, свалившихся съ лошадей. Трое убиты были такъ близко, что тѣла ихъ Хивинцы не успѣли выхватить и покинули. На одномъ изъ посланныхъ была завоеванная сабля, которыхъ взято 5. Прибывъ за тѣмъ благополучно въ укрѣпленіе, молодцы наши услышали здѣсь, что тотъ же Хивинскій отрядъ осаждалъ его три дня, но не могши нанести ему никакого вреда и потерявъ нѣсколько человѣкъ отъ гранатъ и картечи, прошелъ мимо, вѣроятно для развѣдокъ; —

и на этомъ то розыскѣ встрѣтилъ конвой, посланный для больныхъ. Вся слава разбойниковъ и трусовъ состоитъ въ томъ, что они звѣрски замучили и разрѣзали по частямъ однаго Кайсака, посланнаго, охотой, съ увѣщевательными грамотами къ Хивинскому народу, къ Каракалпакамъ и проч., дабы, по возможности, предупредить напрасное кровопролитіе. Прибывшіе сюда гонцы нашли остатки тѣла его на дорогѣ, верстъ не болѣе какъ въ 5–6 отъ самого укрѣпленіія. Это озлобило вообще всѣхъ Кайсаковъ до того, что они называютъ Хивинцевъ кяфырами, не мусульманами и клянутся въ мести. Тѣмъ вѣрнѣе будутъ они намъ служить, тѣмъ менѣе можно ожидать побѣговъ, хотя, правду сказать, и теперь изъ отряду нашего бѣжало Кайсаковъ 3 или 4 человѣка, и только изъ числа высланныхъ за нами Бай–Мохамедомъ, при 350 верблюдахъ, прибывшихъ вовсе отдѣльно и по себѣ, бѣжало 12 человѣкъ Кайсаковъ. И такъ, первая побѣда надъ непріятелемъ одержана, а главное — Хивинцы вышли изъ

гнѣзда своего и должны теперь драться. Пора спать: до завтраго. Двое Кайсаковъ прибывшихъ съ этою вѣстію вызвались для опасной посылки, а другихъ охотниковъ не было. Это тѣже самые, которые были отсюду посланы вожаками съ командой, ушедшей въ Акъ–Булакъ за больными. Одинъ изъ нихъ человѣкъ бывалый, видѣлъ войну между Кайсаками, видѣлъ войну Хивинцевъ съ Персіанами, съ Бохарцами, — но эдакой войны, говоритъ, какъ бой 200 человѣкъ, этой горсти, за тюками и телѣгами, не видалъ. Онъ не можетъ надивиться хладнокровію солдатъ нашихъ, которые почти двои сутки отстрѣливались, пѣли при этомъ пѣсни, какъ именно Кайсаки замѣчаютъ въ разсказѣ своемъ, даже курили трубки. У Хивинцевъ было два трубача, огромныя, саженныя трубы съ широкимъ раструбомъ; трубачи эти сзывали правовѣрное воинство на бой; всѣ около нихъ собирались, но, какъ трубачамъ нельзя было подъѣзжать близко къ заваламъ нашимъ, потому что–де стрѣляли оттуда, то и наѣздники вмѣстѣ съ

трубачами давали тылъ. Причина весьма удовлетворительная: у трубача, какъ у всякаго другаго молодца тогоже калибра, лобъ не за каменной стѣной. Очень хвалятъ поручика Ерофѣева, командира роты, за хладнокровіе и распорядительность его. Онъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ похвалы, что въ первый разъ попалъ въ огонь и войны не видалъ. Солдатъ было съ нимъ, какъ я узналъ теперь вѣрнѣе, 170 челов., а казаковъ сотня, изъ коихъ 40 верхами, а лошади изъ подъ остальныхъ были заложены въ сани и телѣги, подъ больныхъ. Все это прекрасно. Остаются только неодолимыя хлопоты съ больными, этою вѣчною мукою всѣхъ военныхъ отрядовъ: за ними сто разъ болѣе хлопотъ, чѣмъ за убитыми. У насъ, въ 4–й колоннѣ, ихъ уже до 90 человѣкъ.

У насъ идетъ повѣрка и пересмотръ верблюдовъ: ихъ должно бы быть 10 т.; но выходитъ менѣе, такъ, что за выключкой негодныхъ едва наберется 8 т. Запаснаго продовольствія въ Хиву нельзя будетъ взять болѣе чѣмъ на мѣсяцъ; прежде не

разсчитывали на тамошнія средства вовсе, а теперь надобно будетъ оглянуться тамъ, нѣтъ ли гдѣ хлѣбца, или обратить часть верблюдовъ опять на Эмбу, для подвозу. Впрочемъ, у насъ есть еще порядочный запасъ въ Новоалександровѣ, это ближе, и туда можно будетъ послать съ мѣста: туда всего отъ Хивы двѣ недѣли ходу. Солдатъ кормятъ очень хорошо, даютъ имъ теперь по полному фунту мяса на день; не смотря на это, они болѣютъ. Сначала выступленія В. А. былъ очень озабоченъ неисправностію цѣпи нашей; не умѣли опрашивать проходящихъ, пропускали безъ отзыва, засыпали на часахъ, кутались въ кошмы отъ бурановъ; поэтому всѣ наличные при штабѣ офицеры стали обходить (ночью) цѣпь и повѣрятъ часовыхъ. Нынѣ дошли до того, что можемъ быть спокойны; часовые стоятъ хорошо и понимаютъ обязанность свою. В. А. вчера ночью хотѣлъ проѣхать насильно черезъ цѣпь; часовой уставилъ ему штыкъ въ грудь и побожился, что заколетъ, если не остановится на мѣстѣ до прихода ефрейтора, котораго звалъ

отчаяннымъ голосомъ. Мы также боялись частыхъ побѣговъ Кайсаковъ съ верблюдами, но доселѣ было только два или много три случая, остальные служатъ хорошо и стали даже сами (т. е. не верблюды, а Кайсаки) вьючить ихъ къ крайнему облегченію войска. Бай Мохамедъ прислалъ 380 верблюдовъ, изъ числа этого ушло дорогою 42 верблюда, т. е. 12 челов. съ ними бѣжали. Удивительно, что досѣлѣ нѣтъ здѣсь самого Бай Мохамеда, ему срокомъ назначено было 13–е число, и онъ хотѣлъ прибыть съ 400 Кайсаковъ.

Насчиталъ ли вамъ, хотя ради небольшаго самохвальства, всѣ неудобства нашего необыкновеннаго похода? Начинаю тѣмъ, что еслибы идти намъ по утвержденнымъ и установленнымъ на этотъ предметъ общимъ постановленіемъ, то мы бы доселѣ не дошли далѣе Илецкой Защиты. Напримѣръ: предписывается посылать квартиргеровъ, занимать биваки всегда по близости селеній, разводить бивачные огни, стоять на мѣстѣ, ждать,

если морозъ превышаетъ 15°. Хороши бы мы были! Долго бы намъ пришлось дожидаться пятнадцати градусовъ, и дожидаться, поколѣ выростутъ на пути лѣса и выстроятся селенія! Мы идемъ глубокимъ снѣгомъ, цѣликомъ, безъ дороги, — и это тяжело; верблюды безпрестанно развьючиваются, за ними хлопотъ много, и много остановки: нѣсколько верблюдовъ пристаютъ вовсе, на каждомъ переходѣ, — надобно скакать по отряду, искать порожняго верблюда чтобы не покинуть вьюка: а между тѣмъ Кайсаки рѣжутъ отслужившаго горбуна и дѣлятъ между собою мясо. Расчитывали, что на вербюда могутъ садиться поперемѣнно по два солдата, оно справедливо, и верблюдъ несетъ двухъ человѣкъ легко; но оказывается, что жесткая сума солдатская занимаетъ много мѣста и сверхъ того набиваетъ верблюду задній горбъ, а верблюдъ со сбитымъ горбомъ идетъ только подъ ножъ. Число верблюдовъ сравнительно съ числомъ войскъ, очень велико; верблюдъ, избалованное животное,

которое требуетъ — не корму, не воды, а присмотру. Не хорошо навьючить, не выровнить тюки, пустить веревку черезъ горбъ — значитъ лишиться верблюда, онъ уже не служака и изъ счету вонъ; каждый день надобно разгребать снѣгъ на томъ мѣстѣ, гдѣ верблюды укладываются и даже, гдѣ только можно, срывать землю, до талой земли — работы много. Надобно также подстилать подъ скотину эту кошмы или камышъ; а солдаты гораздо охотнѣе укрываются кошмами сами и жгутъ камышъ, и верблюды болѣютъ и дохнутъ.

В. А. уѣхалъ въ укрѣплѣніе, отъ котораго мы въ полуверстѣ — заботиться о больныхъ; папа Пій VII–й поймалъ Menoniles Tatiaricina и очень доволенъ; онъ ходитъ по сугробамъ снѣга въ мѣховыхъ сапогахъ, нагольномъ тулупѣ и самоѣдской скуфьѣ, закрываясь локтемъ отъ жестокаго бурану. Сарданапалъ царевичъ возвратился съ охоты благополучно и очень удачно, т. е. къ счастію не видалъ кабана и остался цѣлъ и невредимъ. Ивановъ варитъ пельмени, разъ по семи на день и ѣстъ,

увѣряя, что это грѣетъ. Мулла, нынѣ чиновникъ, урядникъ, взялъ у меня ружье, послышавъ о близости Хивинцевъ и пригоняетъ пули. Сабли онъ не снимаетъ съ себя даже ночью, потому что теперь онъ военный человѣкъ. Чихачевъ таки дохолодился на морозѣ до того, что его вчера маленько встряхнуло — нынѣ онъ здоровъ. Бодиско стоитъ отъ насъ саженяхъ во ста, за штабомъ, въ обозѣ, мы видимъ его только за обѣдомъ, да изрѣдка навѣщаемъ; ему вчера выдернули зубъ, который его нѣсколько дней сильно мучилъ.

Я помянулъ пельмени: скажите пожалуста тому, до кого это можетъ касаться, — что пельмени наши никуда не годятся; въ Оренбургѣ, какъ вы чай помните, была оттепель; заботливый поваръ нашъ пересыпалъ ихъ въ это время мукой, чтобы не слиплись всѣ въ одинъ пельмень — теперь, какъ сварятъ ихъ, точно клейстеръ, мука сваренная въ водѣ. Между тѣмъ ѣдимъ ихъ очень прилежно, потому что французскій самоучитель, M–r,

l'Appelit, даетъ намъ полезные уроки. Вчера вся честная піющая братія возстала на меня дружнымъ и шумливымъ оплотомъ, за то, что я не умѣю достать вина для нихъ, которое замерзло въ боченкѣ. Я просилъ наставленія, какъ это сдѣлать, — потому что боченокъ на морозѣ не отойдетъ, а рубить его не приходится; водяныя части вина разумѣется замерзли напередъ, а послѣ уже спиртовыя, и потому надобно бы оттопить все. Велегласное совѣщаніе кончилось тѣмъ, что нельзя ничего сдѣлать, и трое ретивыхъ спорщиковъ, которые хвалились, что разпорядились бы гораslo лучше, еслибы дѣло было поручено имъ, замолчали. Имъ однакоже очень прискорбно, что мы завтра, первый прардникъ, будемъ безъ вина. И такъ сегодня сочельникъ; походная церковь наша поставлена въ укрѣпленіи; зеленая кровля шатромъ видуѣтся издали. Въ Оренбургѣ храмикъ нашъ исчезалъ среди высокихъ зданій, — здѣсь, между курныхъ и дымныхъ кибитокъ, между рыхлыхъ землянокъ, занесенныхъ сугробами снѣга,

между будками сшитыми на живую нитку изъ лубковъ и рогожъ, походная церковь составляетъ самое великолѣпное зданіе. Тридцать два заряда приготовлены, колоколъ сзываетъ на всенощную — здѣсь конечно отъ созданія міра впервыя раздается звонъ христіанскаго колокола. Для сочельника вѣтеръ стихъ; погода прекрасная, мы ходимъ въ однихъ курткахъ и сертучкахъ — и не можемъ надивиться, что термометръ докладываетъ намъ о 14 градусахъ. Это, право, оптическій обманъ. Земля нырнула уже въ глубокую тьму — вокругъ поднимаются искристые столбы туманнаго свѣту, это огни наши; вблизи на всѣхъ кибиткахъ, по своду кровли, широкія огненныя прорѣхи, изъ которыхъ вылетаетъ дымъ, паръ, и тутъ и тамъ искры; часовые опять затянули уже круговую зѣвоту свою, верблюды угнаны на далекое пастбище, и потому унылыхъ пѣней ихъ не слыхать. Все тихо; — «солдатъ стой, убью — солдатъ стой, что отрылъ?» раздается тутъ и тамъ — и благодать

Господня почіетъ на христолюбивомъ воинствѣ.

Командиръ колоннъ перемѣняется по случаю назначенія Толмачева командующимъ пѣхотой, Ціолковскаго кавалеріей, Кузминскаго артиллеріей. Первой колонной командуетъ полковникъ Бизяновъ, славный, почтенный старецъ и знакомецъ мой, уралецъ, ходившій еще при Павлѣ I въ аломъ кафтанѣ и синей шапкѣ, воевавшій еще съ Суворовымъ — и первая колонна идетъ впередъ, чуть ли не на второй день праздника. Счастливый и завидный путь!

V.

27 Дек. Четыре колонны наши пойдутъ отсюда эшелонами, съ тѣмъ, чтобы 1–я колонна приняла въ одномъ или двухъ переходахъ отъ Акъ–Булака высланныхъ оттуда, подъ прикрытіемъ Чижева, больныхъ, передала ихъ за переходъ во 2–ю, тамъ въ 3–ю, 4–ю, и такимъ образомъ будутъ они доставлены благополучно сюда, и мы не лишимся конвоя своего, который въ иномъ случаѣ долженъ бы проводить больныхъ и съ ними остаться. Чихачевъ еще открылъ, что термометръ его вралъ на $1^1/_4$°, а именно показывалъ меньше, потому что висѣлъ на кибиткѣ В. А., въ которой бывало до 20° и болѣе тепла. Стало быть 6–го Дек. у насъ было до 34° морозу, что и согласно съ наблюденіемъ въ другихъ колоннахъ. Странная болѣзнь появляется здѣсь изрѣдка, скажите мнѣ, что это такое: начинается прямо безпамятствомъ и сумашествіемъ, между тѣмъ какъ по всему нельзя предполагать тутъ воспаленія мозгу;

человѣкъ до пяти заболѣвали, и двое умерли.

Отъ Оренбурга шли мы все въ гору, вверхъ по Илику; перешли Сыртъ, т. е. раздѣленіе водъ, возвышеніе Буссага, которое на картахъ изображаютъ огромными, небывалыми горами; тамъ спустились внизъ по Эмбѣ и теперь пойдемъ низменною степью до самаго Чинта. До Эмбы земля довольно плодоносна, растетъ ковыль, а гдѣ ковыль, тамъ можетъ расти и хлѣбъ; отселѣ далѣе почва илистая, песчаная, солонцеватая, глинистая, словомъ, дно морское: растутъ одни тонкія солянки и мелкотравчатая полынь, да мѣстами бурьянъ и помочка, словомъ земля голодная, лѣтомъ почти непроходимая. По Илеку сидѣли аулы Ташинцевъ; здѣсь Чиглинцы, и именно Назаровцы; это народъ довольно дикій, многіе изъ нихъ не видали отъ роду Русскихъ; — между тѣмъ аулы ихъ сидятъ спокойно кругомъ, не уходятъ, потому что зимою имъ бѣжать нельзя, и приводятъ даже скотъ на продажу; имъ велѣно

поставить намъ сколько можно верблюдовъ и лошадей. Нѣсколько ауловъ вѣденія Кулъ–Джани не дали вовсе верблюдовъ, когда собирали ихъ для экспедиціи и платили найму по 10 руб. сереб. за каждый. Этимъ молодцамъ задана теперь задача — поставить двѣ сотни горбуновъ. По случаю ссоры Назаровцевъ съ Хивинцами никакихъ вѣстей о войскѣ ихъ нѣтъ; не знаемъ что и какъ будетъ, а надѣемся встрѣтить ихъ.

28 Дек. **Кто скажетъ намъ, какіе это Хивинцы съ нами дрались? Передовой ли отрядъ, или просто команда Менембая (Джангиза), которая вышла встрѣчать караванъ и сорвать съ него что можетъ, и вздумала прислужиться хану нападеніемъ на Акъ–Булакъ? Статься можетъ, что мы ихъ и не удивимъ больше, и знаменитою вылазкою двѣнадцати солдатъ и 4–хъ Грозненскихъ казаковъ кровопролитіе кончится! По человѣчеству — прекрасно; но, соображая цѣль многотрудной и дорогой экспедиціи нашей, дурно. Если все обойдется по христіански, чинно, смирно, тихо — тогда не узнаютъ страху, и нельзя**

поручиться, чтобы черезъ нѣсколько лѣтъ Хива не сдѣлалась опять тѣмъ же вертепомъ. Если напротивъ придется побить ихъ путемъ, разбить какой нибудь глиняный валъ или стѣну ядрами или подорвать его миной, поднять на штыкъ ихнее ополченіе, размести, какъ говорится, пепелъ хвостомъ конскимъ: тогда бы помнили Русскихъ долго. Первая угроза имъ легла бы смерчемъ на безпутное ханство, и каждое требованіе было бы свято исполняемо.

— Вчера В. А. въ первый разъ приказалъ сдѣлать нѣсколько ночныхъ сигналовъ; колонны въ сборѣ, и потому всѣ могли наблюдать ихъ хорошо. Впрочемъ, никогда употребленіе этого средства на сухомъ пути не можетъ сдѣлаться о такой степени общимъ, какъ на морѣ([4]): тамъ ничего не мѣшаетъ наблюдать огни, тамъ часовой закричитъ: сигналы — и вахтенный, не сходя съ мѣста направляетъ глаза или трубу въ ту сторону, гдѣ флагманъ; здѣсь иному придется бѣжать съ версту, покуда найдетъ того, кому надо наблюдать, и этому

([4]) Передъ назначеніемъ въ Оренбургъ (гр.) Перовскій служилъ нѣкоторое время въ морскомъ вѣдомствѣ. П. Б.

опять искать чистаго мѣста, откуда сигналы видны.

Мы обстрѣливаемъ коней своихъ: мои, мухортый и карій, ничего не боятся, словно знали, что подъ такого богатыря пойдутъ. Для охоты это очень пріятно. Леманъ вчера ѣздилъ верстъ за десять, видѣлъ горы морскихъ ракушекъ и животныхъ, далъ нѣсколько промаховъ изъ ружья и щедро наградилъ казаковъ, которые убили ему пятокъ куропатокъ и два жаворонка. Онъ тѣшился ими. Чихачевъ, выбривши и вымывши всю прислугу нашу, сжегъ рукавъ совика, обрѣзалъ огромные бахилы и работалъ потомъ съ астрономомъ Васильевымъ. Онъ, Чихачевъ, постоянный метеорологъ нашъ, беретъ высоты, наблюдаетъ барометръ, термометръ и даже баро–термометръ: машинка, по которой черезъ кипяченіе перегонной воды узнается возвышеніе мѣста отъ поверхности моря, потому что вода, какъ извѣстно, кипитъ при различной температурѣ, смотря по возвышенію мѣста или тяжести воздушнаго надъ нею столба. Мнѣ поручено строить

койки, о которыхъ я говорилъ, и это занятіе право больше идетъ ко мнѣ, чѣмъ быть очень неисправнымъ буфетчикомъ. Но, что всего лучше, у насъ теперь прекрасныхъ, сухихъ, березовыхъ щепъ вдоволь: въ юлламѣ пылаетъ неугасимый огонь, и Весталка наша, знаменитый Бай–сенъ Чихачева, не можетъ нахвалиться щедротами Аллаха. У Бай–сена этого рожа право самая неблагопристойная, разсудка нѣтъ, кажется, ни на волосъ, а между тѣмъ онъ пасетъ прекрасно верблюдовъ, день и ночь караулитъ лошадей и стоитъ намъ теперь дороже трехъ исправныхъ деньщиковъ. Мы позвали вчера вечеромъ моего Саната въ юлламу, сѣли вокругъ огня, затопили чайникъ, произвели Муллу–Нура въ чайбаши и заставили Саната разсказывать сказку, услышавъ случайно, что онъ большой мастеръ этого дѣла. Чтоже вы думаете? Право мы изумились; ждали какого нибудь вздору, а Санатъ мой высыпалъ намъ цѣлую поэму о Чуръ–батырѣ, Ногайцѣ, въ презамысловатыхъ стихахъ, съ безконечнымъ ожерельемъ

прибаутокъ, съ риѳмами, съ пѣснями, с припѣвами, складко, ладно и причудливо. Это большая рѣдкость между Кайсаками; у нихъ обыкновенно не найдете, въ народной поэзии, воспоминанiй былевыхъ, а пѣснопѣвцы слагаютъ стишки свои, по четыре въ строфѣ, на обумъ, помня немногiе изъ нихъ на изусть. Чуръ–батырь непремѣнно будетъ переписанъ, отъ слова до слова, и переведенъ на Русскiй языкъ. Я далеко не все понималъ, но удивился необыкновенному сходству духа этой сказки и самаго разсказа съ Русскими богатырскими сказками. Что такое народная поэзiя? Откуда берется это безотчетное стремленiе нѣсколькихъ поколѣнiй къ одному призраку, и какимъ образомъ наконецъ то, что думали и чувствовали впродолженiи десятковъ или сотенъ лѣтъ цѣлые народы, племена и поколѣнiя, оживаетъ въ словѣ, воплощается въ словѣ одного, и снова развивается въ толпѣ и дѣлается общимъ достоянiемъ народа? Это загадка. Сто устъ глаголятъ одними устами — это хоръ древнихъ

Грековъ, и значеніе хора ихъ можетъ понять только тотъ, кто способенъ постигнуть душою, что такое народная, созданная народомъ поэма: это дума вслухъ цѣлаго народа, цѣлыхъ поколѣній народа. Для меня, это первый залогъ нашего безсмертія. Говорятъ: гласъ народа, гласъ Божій; что же сказать о гласѣ цѣлаго поколѣнія? Этотъ залогъ — долженъ найти свой отголосокъ, онъ не замретъ въ простотѣ и силѣ своей, а отголоска ему въ этомъ мірѣ нѣтъ. Такъ–то мы читаемъ въ каждой книгѣ не то что написано, а то, что можемъ понять и постигнуть, что тронетъ и займетъ насъ; такъ–то народныя преданія для иныхъ — бабьи сплетни, для инаго совсѣмъ иное.

Такъ коловратно все на свѣтѣ! Не болѣе трехъ часовъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я кончилъ эту страницу письма, и погода измѣнилась, сдѣлалось гораздо теплѣе, вѣтеръ затихъ, а у насъ въ отрядѣ двухъ Кайсаковъ разстрѣляли. Ночью бѣжало шесть человѣкъ съ 18–ю верблюдами, а потомъ всѣ верблюдчики въ колоннѣ

Толмачева объявили, что далѣе идти не намѣрены, а хотятъ воротиться. Причины раздумья ихъ были очень просты: верблюды–де у насъ плохи, устанутъ, не дойдутъ, непріятель впереди, время опасное — такъ зачѣмъ мы туда пойдемъ? В. А. выѣхалъ къ нимъ тотчасъ самъ, велѣлъ ихъ собрать и окружить карауломъ, человѣкъ до 200. За тѣмъ Ивановъ растолковалъ имъ, что мы всѣ идемъ не по своей волѣ, а по волѣ Государевой, что всякій, кто теперь смѣетъ сказать: «я не иду далѣе» ослушникъ и преступникъ и долженъ быть строго наказанъ; что Кайсаковъ у насъ кормятъ хорошо, даютъ имъ мяса и крупъ болѣе чѣмъ солдату: что непріятеля имъ бояться не для чего, какъ могутъ заключить изъ первой стычки нашей съ нимъ: тамъ Кайсаки лежали, по распоряженію офицера, за пулями, а солдаты и казаки отстрѣливались; солдаты же и казаки ранены и убиты, а Киргизы всѣ цѣлы и пр. За тѣмъ спросили всю толпу, кто понялъ рѣчь эту, образумился и хочетъ идти, и кто нѣтъ. Нѣкоторые увидали, что

мимо ихъ прошли рабочіе солдаты съ лопатами и кирками, а другіе съ ружьями за ними, и спѣшили бѣгомъ перебраться на правую сторону; другіе послѣдовали ихъ примѣру, а семь человѣкъ, и въ томъ числѣ знаменитый ораторъ, который кричалъ за всѣхъ, что мы де не пойдемъ, перешли на лѣвую сторону. Послѣднихъ тотчасъ же окружили казаки съ пиками, и В. А. указалъ на одного изъ нихъ (кажется, на перваго встрѣчнаго, на кого упала рука). Его вывели, раздѣли, завязали глаза, и залпъ раздался. Вслѣдъ за тѣмъ та же судьба постигла другаго, остальные пять взывали о милосердіи и отдавали души свои въ поруки, что готовы идти на край свѣта. В. А. сказалъ имъ, что прощаетъ ихъ во уваженіе просьбы султана–правителя Бай–Мохаммеда, который присутствовалъ тутъ же, и образумѣвшіеся глупыши, бѣгомъ, кувыркомъ и прыжкомъ, пробрались между лошадьми и пиками на правую сторону, къ праведнымъ. Примѣръ этотъ необходимъ. Подкрѣпи только Господь здоровье В. А.(*)

(*) Сравн. Р. Ахр. 1863. Записки гр. Перовскаго.

и душевную силу его! Онъ иногда бываетъ очень разстроенъ отъ безпрестанныхъ непріятностей и трудовъ, отъ заботъ, которыя нельзя устранить и не всегда можно увѣнчать успѣхомъ.

VI.

1–го Генв. 1840. **Съ новымъ годомъ! День славный; вчера и сегодня градусовъ 10–15, тепло; снѣгъ не идетъ, вѣтру нѣтъ. Снѣгъ однакоже ужасно глубокъ: Богъ вѣсть, какъ протащимся съ орудіями, больными и ящиками. Дай Богъ, чтобы мы могли сдѣлать по 10 верстъ въ день. Вѣроятно выступимъ дня черезъ три. Вчера опять ушло у насъ четыре Кайсака, Семиродца, это всего выходитъ 24 человѣка; поймать ни однаго не удалось доселѣ; хоть бы разстрѣлять какого нибудь бѣглеца, такъ бы можетъ быть стали трусить. В. А. сегодня очень разстроенъ, не спалъ всю ночь и много беспокоился. Я все говорю алахъ–керимъ, Богъ милостивъ, и Русскій Богъ великъ; дойдемъ хорошо, сдѣлаемъ дѣло и воротимся благополучно. Мы доселѣ сдѣлали нѣсколько менѣе 500 верстъ въ 32 дня, а отсюда пойдемъ еще вдвое медленнѣе. Бизяновъ, который выступилъ четвертаго дня съ своей колонной, проходилъ первые два дня по пяти и по семи верстъ. Пѣхота пашетъ по**

колѣна въ снѣгу. Всѣ Кайсаки говорятъ, что отъ роду такого снѣгу здѣсь не запомнятъ; обыкновенно по сю сторону Сырта Буссага, который раздѣляетъ вершины Илека и Эмбы, зима бываетъ несравненно мягче и снѣгу бываетъ гораздо менѣе, чѣмъ у васъ; теперь на оборотъ. Вы ждете снѣгу, а мы отрываемся лопатами. Наша колонна шла въ походѣ такимъ порядкомъ: лѣвый флангъ верблюдовъ въ десять рядовъ или нитокъ; впереди, для порядку, по одному казаку на каждый рядъ, а иногда и на каждые два ряда. Правая колонна или флангъ также; въ срединѣ паркъ, за нимъ штабъ, за нимъ лодки, церковь, аріергардъ; впереди парка артиллерія, впереди ея авангардъ 1–го полка. Нельзя впрочемъ не признаться, что иногда, особенно въ началѣ, было много путаницы, и долго не могли привыкнуть останавливаться тѣмъ же порядкомъ и выступать также. Теперь всякій знаетъ свое мѣсто; кибитка корпуснаго командира становится въ самой срединѣ за паркомъ и выдвигается впередъ; за нею каютъ–

кампанія и кухня: по обѣ стороны: влѣво стоятъ дежурный штабъ офицеръ, дежурство и прочее, вправо мы. Теперь прибыли къ намъ въ палатку еще два генерала: команд–щій пѣхотой Толмачевъ, и кавалеріей Ціолковскій. Они, кажется, станутъ на правомъ флангѣ, подлѣ дежурства. Скажу вамъ еще частное и собственное мнѣніе мое: мы весною воротиться не можемъ. Дай Богъ, чтобы я ошибался. Во всякомъ случаѣ обратный путь будетъ по моему безъ всякаго сравненія легче и удобнѣе; мы можемъ идти порознь, разными дорогами и малыми частями. Мнѣ кажется, что мы, вопреки всякому расчету, отвѣдаемъ Хивинскихъ дынь, а можетъ быть и винограду. Вы видите, что я говорю откровенно, что думаю, поэтому и вѣрьте, что я вообще отъ васъ ничего не скрываю; В. А. позволилъ писать мнѣ *все*, и письма эти почти тоже, что дневникъ мой.

4–го Генв. **Довольно холодно; 22°, но ясный, солнечный день. Изготовилъ до 150 коекъ для больныхъ, которыхъ будутъ**

подвѣшивать на верблюдовъ; пересмотрѣлъ стклянки и банки по должности дворецкаго — все полопалось, вино, трюфли, морсъ, прощай! Даже портвейнъ и мадера высадили въ боченкахъ дно. Говорятъ, если правда, что у Ціолковскаго все цѣло: вотъ что значитъ хозяинъ, и вотъ какая разница въ хозяйствѣ хозяина и бурлака. Впрочемъ, все у насъ было обшито кошмами: не знаю, въ чемъ сила. В. А. уѣхалъ вчера еще въ укрѣпленіе къ Геку, и пишетъ письма; Никифоровъ и Ханыковъ живутъ тамъ постоянно, Артюховъ являлся туда ежедневно, чтобы поѣсть свѣжаго хлѣба и напиться квасу; я въ теченіе двухъ недѣль навѣдывался туда, по дѣлу, раза два–три. Муллу произвели заурядъ въ хорунжіи, онъ ходитъ съ темлякомъ; Чихачевъ вздумалъ чистоплотничать сегодня, вытереться спиртомъ, да хотѣлъ погрѣть огромное полотенце, съ простынею, обмакнувши его въ спиртъ — огонь вспыхнулъ, и мы едва не сожгли юлламу свою, насилу выкинули тряпку въ снѣгъ.

5–Генв. **На дняхъ отданъ приказъ, чтобы всѣ офицеры покидали здѣсь въ укрѣпленіи всѣ излишнія тяжести, все безъ чего только можно обойтись, потому что иначе, быть можетъ, принуждены будутъ по недостатку верблюдовъ кинуть добро свое путемъ на распутье. Почему же и не такъ? Въ Турціи гевальдигеры жгли, по приказанію главнокомандующаго, всякую лишноту, т. е. всякую повозку, когда строго велѣно было всѣмъ итти на вьюкахъ, но не могли истребить всего обоза: много телѣгъ перешло за Балканъ — и — виноватъ, — въ томъ числѣ и наша. Дѣвать вещей своихъ мнѣ было некуда, и чѣмъ жечь ихъ самому, я рѣшился тогда предоставить дѣло это судьбѣ и оберъ–гевальдигеру. Кто изъ нихъ былъ милостивѣе, не знаю; но мы съ Зейдлицемъ сохранили телѣгу свою. Здѣсь иное дѣло; мы поднялись съ мѣста на вьюкахъ, всѣ знали, что лишняго брать нельзя, и всѣ мы знали кромѣ того, что насъ будутъ кормить готовымъ. У меня бросать нечего; на шт. офицера полагалось при выступленіи два верблюда, а я занялъ**

своими вещами одного. Но тулупъ, таганъ, котелокъ, ведро, топоръ, лопата, чайникъ, треноги, арканъ и всякая, неизчислимая, но необходимая дрянь накопляется и — смотришь — выходитъ тотъ же вьюкъ. Тутъ еще овса выдадутъ вдругъ на нѣсколько сутокъ, да сухарей людямъ, да наберешь сѣнца, да дровецъ — и бѣдный верблюдъ кряхтитъ и рычитъ подъ ношей, а убавить нечего. Удивительно, какъ дрянь эта накопляется въ походѣ, и какъ она необходима. Напримѣръ, у человѣка излишняя кошомка, дрянная, изодранная, но она грѣетъ, если ею укроешься въ 25° морозу, и грѣетъ, если ее подстилать подъ себя; и кто рѣшится ее кинуть? Вотъ какъ пойдемъ, завоевавши ханство, домой, тогда облегчимся: тулуповъ и теплыхъ сапогъ не надо, кинемъ ихъ; овса лошадямъ не нужно, сѣна не нужно, муки верблюдамъ не нужно, дровъ таскать не нужно, ни теплыхъ постелей и покрывалъ, и прочее и прочее.

6–го Генв. **Погрузили крестъ въ Эмбу, освятили бусурманскія воды, палили изъ пушекъ. Священникъ нашъ молодой**

вдовецъ, лѣтъ двадцати не съ большимъ, благочестивый, доброжелательный и всѣми уважаемый. Онъ стоялъ въ бѣлой какъ снѣгъ ризѣ, на бѣломъ снѣгу, и солнце генварское ярко играло на золотыхъ галунахъ. День ясный и теплый, 10°. На дняхъ генер. Молоствовъ стрѣлялъ въ цѣль, Уральцы изъ винтовокъ своихъ били также не совсѣмъ плохо: на 100 и 150 шаговъ. Скоро и я буду походить на Уральца: я не брился со дня выступленія изъ Оренбурга и не намѣренъ бриться до возвращенія: на походѣ, да еще зимой, заниматься этимъ скучно. Скоро напишу вамъ, къ какому разряду изъ всѣхъ бородъ принадлежитъ борода моя: клиномъ ли она, лопатой ли, вѣникомъ, вѣеромъ или хохолкомъ. Верблюды наши худѣютъ — перенеси Богъ; но иначе и быть не можетъ; зимняя тебеневка можетъ по нуждѣ поддерживать скотину, кой–какъ, но откормиться на ней скотина не можетъ. При выступленіи отсюда, верблюды по необходимости будутъ сутки полторы не ѣвши; они ходятъ верстъ за 20, ближе нѣтъ кормовъ; ихъ

пригонятъ сюда съ утра, здѣсь они переночуютъ, на другой день навьюченные должны они еще сдѣлать хоть небольшой переходъ и удовольствоваться потомъ неимовѣрно–тощимъ кормомъ, потому что снѣгъ завалилъ все. Лошадямъ идетъ по 5 ф. сѣна, и по 4 и 5 гарнцевъ овса. Этого довольно. Я не ковалъ лошадей своихъ вовсе и очень этимъ доволенъ: снѣгъ не набивается подъ копыта, и лошади, непривычной къ ковкѣ, легче. О Хивинцахъ никакого слуху: словно сгинули. Тяжело будетъ намъ пойти еще верстъ 200, т. е. до Усть–Урта; тамъ, поднявшись, найдемъ много дровъ, найдемъ и корму для верблюдовъ и, вѣроятно, поменѣе снѣгу. Бывалые люди увѣряютъ, что мы ни подъ какимъ видомъ не найдемъ въ Хивѣ, въ цѣломъ ханствѣ, достаточное для себя продовольствіе, а что необходимо будетъ требовать подвозу изъ Бохары. Я тоже такъ думаю, и думаю, что изъ Бохары, если *просить* объ этомъ не застѣнчиво, могутъ доставить довольно. Каракалпаки могутъ снабдить насъ говядиной, а Туркмены

верблюдами. Мы придемъ въ Хиву къ веснѣ; вѣроятно хозяевамъ не много удастся посѣять, и гости еще менѣе того пожнутъ. Пора не земледѣльческая, година брани. Я говорилъ уже вамъ, что на дняхъ попытались сдѣлать нѣсколько ночныхъ сигналовъ огнями, по условленному порядку. Такъ какъ это случилось въ первый разъ, то В. А. послалъ увѣдомить о томъ всѣхъ начальниковъ, чтобы они не прозѣвали ракеты. На другой день одинъ подалъ мнѣніе свое, что было бы необходимо имѣть какой нибудь сигналъ, означающій: «больше сигналовъ въ эту ночь не будетъ», чтобы избавить людей отъ труда караулить ихъ. Это очень походитъ на извѣстный анекдотъ о какомъ–то городничемъ или губернаторѣ, который отдалъ приказъ, чтобы пожарныя трубы всегда были запряжены за полчаса до пожару.

8–го Генв. **Скука начинаетъ одолѣвать насъ: все еще стоимъ на мѣстѣ, стоимъ еще оттого, что намъ, для уничтоженія укрѣпленія при Акъ–Булакѣ, надобно**

поднять оттуда все и въ особенности больныхъ и препроводить ихъ безопасно сюда, на Эмбу; и будутъ передавать, по пересылкѣ, одинъ отрядъ другому, и потому надобно расчесть время такъ, чтобы каждый выступилъ въ пору. Между тѣмъ непомѣрно глубокіе снѣга замедляютъ ходъ, Чижевъ пришелъ въ Акъ–Булакъ вѣроятно только 3–го или 4–го. Скажу вамъ правду, В. А. заботами, безсонницей и тьмою хлопотъ и затрудненій, а пуще всего именно заботами о будущемъ, очень разстроенъ. Тутъ, кажется, немножко не правы тѣ, которые старались убѣждать его всегда, что затрудненій и препятствій быть не можетъ, и что весь походъ этотъ будетъ прогулкой. Нѣтъ; я не велика спица въ колесницѣ, и не мнѣ бы объ этомъ судить, но я всегда былъ вовсе противнаго мнѣнія и доселѣ все ещѣ удивляюсь, какъ все идетъ хорошо, и какъ мало встрѣчаемъ мы препятствій. Развѣ доселѣ подобный походъ не считался почти несбыточнымъ? Развѣ не одно только крайнее предусмотрѣніе и необыкновенные средства

и способы могли дать возможность предпринять его? Развѣ кто нибудь изъ насъ не зналъ, что мы должны пройти болѣе десятой доли четверти круга земнаго по буранамъ, необитаемымъ пустянымъ, покрытымъ снѣгомъ, ограничиваясь собственными средствами и не ожидая ни отъ кого почти никакой помощи? Развѣ не знаемъ и не видали мы, какъ люди голодаютъ, болѣютъ, гибнутъ, какъ постигаетъ всякая военная невзгода войска, среди земель Европейскихъ, гдѣ казалось бы есть всѣ средства избѣгнуть всякой подобной бѣды? А между тѣмъ настоящій походъ не можетъ равняться ни съ какимъ другимъ походомъ — это иное дѣло. Стало быть, мы все это знали, на все это готовились и не должны удивляться теперь ничему. Говорятъ: да теперь, можетъ быть, всѣ верблюды падутъ, мы останемся безъ подъемныхъ средствъ, у насъ выйдетъ продовольствіе, мы его всего беремъ на шесть недѣль; въ Хивѣ мы его не найдемъ, люди всѣ переболѣютъ, и прочее, и прочее. Отвѣчаю опять тоже: все это можно и

должно быть предвидѣть; противъ всего этого взяты заблаговременно всѣ возможныя мѣры, — а чего предупредить нельзя, то во власти Господней. Насъ можетъ поглотить и землетрясеніе; но вѣроятно ли это, хоть сколько нибудь? Нѣтъ. Такъ и то; трудностей будетъ много, но мы ихъ, дастъ Богъ, одолѣемъ. Верблюды не могутъ никогда пасть вдругъ; потеряемъ въ теченіи пути треть, ну половину — и дойдемъ на остальныхъ; оставимъ часть людей и сложимъ часть продовольствія, котораго не въ силахъ поднять, пойдемъ дальше и сдѣлаемъ свое. А чтобы можно было кончить все это и воротиться весною въ Оренбургъ — этому я никогда не вѣрилъ, и молчалъ, чтобы не быть зловѣщимъ пѣтухомъ. У насъ здѣсь о сю пору надѣятся и самъ В. А. не вѣритъ, чтобы мы не воротились весной — а я остаюсь при своемъ. Надо приготовить продовольствія, которое можемъ получить только изъ Бохары — чему также не хотятъ вѣрить; надобно достать верблюдовъ у Туркменъ и Кайсаковъ (у Каракалпаковъ

ихъ нѣтъ), а на нашихъ верблюдахъ мы воротиться не можемъ: весной скотина тоща, особенно послѣ зимняго похода. Надобно кончить политическія дѣла, не только въ Хивѣ, но вѣроятно и съ Туркменами — словомъ, это не игрушка. Но все это, я увѣренъ, сдѣлается; только на это нужно время. Еслибы я былъ здѣсь нуженъ, или въ особенности полезенъ — я бы не жалѣлъ о томъ, что покинулъ престарѣлую мать и малолѣтнихъ дѣтенышей; а какъ я считаю себя почти излишнимъ, потому что каждый грамотный человѣкъ могъ бы написать 12 или 15 номеровъ бумагъ, которыя у меня о сю пору вышли, то по одному только этому иногда невольно вздыхаю по своимъ. Вотъ почему я отнюдь не хотѣлъ быть въ числѣ *охотниковъ*, хотя и пошелъ охотно, когда сказано было: иди. Личная привязанность и благодарность моя за много добра заставляли меня почти желать, чтобы я при назначеніи этомъ не былъ обойденъ; а увѣренность, что во мнѣ не можетъ быть никакой нужды, побуждала отвѣчать на

вопросъ: хотите ли идти? — Какъ прикажите, какъ угодно.

Посланные впередъ для развѣдокъ Кайсаки привезли отъ Бизянова, изъ передоваго отряда, хорошія вѣсти: глубокій снѣгъ лежитъ только на четыре перехода отселѣ, а тамъ его меньше, и тебеневка изрядная. Кузминскій, слѣдующій за Бизяновымъ, вопіетъ еще отчаннымъ гласомъ, но вѣроятно и онъ вскорѣ выберется изъ сугробовъ и оправится. Здѣсь всѣ бросили излишнюю поклажу свою; все укрѣпленіе завалено. Мнѣ остается только бросить ящики, которые вѣсятъ до 3–хъ пудовъ и переложить бѣлье и платье въ мѣшокъ — поклажи лишней нѣтъ. Иные оставляютъ здѣсь даже бѣлье, берутъ съ собою дюжину и даже менѣе рубахъ — на это я не рѣшаюсь; кинуть, такъ кинуть на дорогѣ, гдѣ придетъ раздорожица, а бѣлья здѣсь не брошу. Судьба хранила меня доселѣ отъ всякихъ плотоядныхъ набѣговъ шестиногой пѣхоты, но у многихъ изъ товарищей моихъ большой и указательный персты правой

руки исправляли должность удочки и таскали по вечерамъ бѣлорыбицу изъ подъ воротника рубахи.... Я увѣренъ, по опыту, что никогда и ни въ одномъ походѣ Русскій солдатъ не ѣлъ такъ хорошо и сытно, какъ нынѣ здѣсь; между тѣмъ имъ все мало. Ѣдятъ какъ акулы, а работаютъ какъ мухи; они походятъ на какихъ–то институтокъ, не видавшихъ отроду ничего и не умѣющихъ заботиться ни о чемъ. Все имъ въ диковину; вѣрите ли, не умѣютъ разложить огня и сварить каши, не умѣютъ сладить съ камышемъ и кизякомъ, не умѣютъ зарѣзать коровы, заколоть барана. Кто ихъ нянчилъ и лелѣялъ, кто качалъ ихъ и прибаюкивалъ? Уральцы молодцы; ихъ суютъ всюду, и всюду они успѣваютъ, и вездѣ ими довольны. Отборные Башкиры Ціолковскаго также молодцы; дивизіонъ 1–го полка воюетъ съ Кайсаками, отбиваетъ въ отрядъ верблюдовъ, гдѣ можетъ, и говоритъ. что покажетъ себя въ дѣлѣ. Впрочемъ, маіоръ Давыдовскій, командующій имъ, прекрасный, благородный, заботливый человѣкъ; жаль

только, что онъ самохваловъ не оставилъ въ Уфѣ. — Уральцы не съѣдаютъ казенной дачи, а линейные баталіоны, стоя 3 недѣли здѣсь на мѣстѣ, не могутъ утолить голода никакими средствами; что же будетъ, когда пойдемъ на половиной дачѣ? Впрочемъ, надобно сказать правду, отъ безпорядку при раздачѣ и по другимъ причинамъ, всякое стараніе, всякая забота главнаго начальника дѣйствуетъ не рѣдко въ превратномъ смыслѣ или видѣ, и никакой глазъ не можетъ усмотрѣть тутъ за порядкомъ во всѣхъ частностяхъ.

Завтра, 10–го, идемъ непремѣнно. В. А. остается еще здѣсь на нѣсколько дней и догонитъ насъ; колонна Гека также еще остается. Морозы опять поправились; дня три все по 25°, но въ полдень солнце удивительно грѣетъ. Спасибо, нѣтъ вѣтру. Только бы до Усть–Урта, какихъ нибудь 250 верстъ, а тамъ не боимся ничего. Да, если бъ послушали меня глупаго, говаривала нянька Соломонида, были бы разумны; *зимою* надобно было идти на Гурьевъ или Сарайчикъ; только весной или

осенью эта дорога предпочтительна. Madry liach poэvcodzie. Слава Богу, добрыя вѣсти отъ Бизянова, изъ передовой колонны, развеселили нѣсколько и В. А.; въ самомъ дѣлѣ, не бездѣлица вести на свой отвѣтъ столько народу!

Вечеромъ. Былъ въ укрѣпленіи, въ этой Капуѣ, и наглядѣлся всякой всячины. Примите къ свѣдѣнію, что при этой массѣ движущихся силъ, никогда не можетъ дѣло обойтись безъ всякихъ безпорядковъ, сколько начальникъ ни хлопочи, хоть онъ разорвись. Тутъ не только виноваты виноватые, но иногда и не виноватые; виноватъ случай и сплетеніе обстоятельствъ, напримѣръ: при новомъ разсчетѣ верблюдовъ кой–кого забыли вовсе. Тутъ съ большимъ ожесточеніемъ и настойчивостію требуютъ изъ укрѣпленія въ отрядъ 30 пудовъ сала, комендантъ плачетъ и отдаетъ послѣдніе 25 пудовъ; вѣшаютъ его, казакъ отмораживаетъ себѣ при этомъ палецъ, и лишь только сало это, взятое почти съ бою, привозится въ колонну, какъ уже возвращается назадъ, потому что въ

колоннѣ отыскалось 100 пудовъ сала, о которыхъ по видимому позабыли. Не одно сало впрочемъ, и сухожильное мясо съ костями отыскивается иногда такимъ же образомъ: въ какомъ–то невѣдомомъ углу укрѣпленія, въ темной землянкѣ, нашлись сегодня 22 человѣка слабыхъ 1–го баталіона, о которыхъ также историческихъ, статистическихъ и географическихъ свѣдѣній не отыскалось. Ктожъ васъ продовольствовалъ? спросилъ я. — Да мы посылали каждый день человѣкъ трехъ, которые по крѣпче, и имъ отпускали, по маленьку, всего.... — Жаль, что въ отрядѣ недостаетъ многихъ лицъ и мѣстъ, къ которымъ привыкли на походѣ всегда по разнымъ дѣламъ обращаться, зная уже, гдѣ и у кого чего искать. Нѣтъ начальника–штаба, оберъ–квартирмейстера, оберъ–провіантмейстера и многихъ другихъ. Кромѣ того — позвольте сказать между нами правду — кромѣ немногихъ, людей нѣтъ....

11–го. Вчера, поздненько, сдѣлано было окончательное распоряженіе о

непремѣнномъ выступленіи. У укрѣпленія осталось много сѣна; можно бы было прокормить ночью верблюдовъ и выступить сегодня въ порядкѣ, но сборъ пробили въ часъ и вскорѣ начали выступать. Всего приходилось пройти намъ до ночлегу версты двѣ, но давно уже смерклось, какъ, отъ безпорядку и излишняго порядка (то и другое одинаково неудобно) сотни вьюковъ и верблюдовъ лежали еще на мѣстѣ и сотни валялись растянувшись на цѣломъ пути. Такимъ образомъ мы нынѣ повѣряемъ и считаемъ верблюдовъ и держимъ ихъ — со времени пригона съ пастбища — двое сутокъ тощакомъ. Если *такъ* будемъ идти, то не дойдемъ; въ этой печальной истинѣ я вчера только, съ сокрушеннымъ сердцемъ, долженъ былъ убѣдиться. Но въ этомъ случаѣ погубятъ насъ не морозы, не снѣга, не трудность пути, а погубятъ двѣ крайности: одна лежитъ по одну сторону, другая по другую сторону порядка, этой души всякаго дѣла. Надобно во всемъ этомъ винить случай, трудность и новизну дѣла, трудность управленія частями и

цѣлымъ и сотни неустраняемыхъ помѣхъ. Довели, напримѣръ, главнаго начальника до того, что онъ хочетъ кинуть все, весь обозъ свой и, по собственнымъ словамъ его, записаться въ солдатскую артель: такой недостатокъ, говорятъ, въ верблюдахъ; а между тѣмъ вдругъ оказываются ихъ сотни лишнихъ подъ юлламами и разною дрянью возчиковъ–Кайсаковъ. Ну, полно объ этомъ; много будете знать, скоро состарѣетесь.... Поговоримъ о другомъ. Папа Пій VII–й вздумалъ угостить Эверсмана и другихъ сопутниковъ кофеемъ и сказалъ своимъ языкомъ казаку: тамъ слышь, лежитъ въ бутылкѣ кофе, сдѣлай. Казакъ сварилъ кофе, принесъ его, гости стали наливать, положили и сахару, прибавили сливокъ — вкусъ, говорятъ, довольно странный и совсѣмъ не кофейный; нюхаютъ, прихлебываютъ — наконецъ приказываютъ принести бутылку, и оказывается, что козакъ сварилъ кофе изъ сухой ваксы....

Да, безначаліе худо, а многоначаліе мало лучше. Это то же многоженство. В. А.

остался еще на время въ укрѣпленіи. Начальники колоннъ были при выступленіи: Ціолковскій, Кузминскій, Толмачевъ и Мансуровъ; на мѣсто послѣдняго поступилъ давно уже Молоствовъ; къ Кузминскому въ колонну отправился, еще съ Эмбы, генер. Толмачевъ. У насъ въ колоннѣ междуцарствіе. Ушли колонны: Бизянова и Кузьминскаго, и за нами выступаетъ Геке. Снѣгъ глубокъ, почти по колѣни, кормы покрыты, а верблюдъ кормится только тѣмъ, что сверхъ снѣгу; онъ не можетъ разгребать снѣгъ мягкими перстами своими и пяткой, какъ лошадь копытомъ. Я нѣсколько разъ говорилъ, еще во время стоянки нашей на Эмбѣ, что по нынѣшнему состоянію верблюдовъ необходимо уменьшить вьюки; теперь, кажется, опытъ заставитъ приступить къ пересыпкѣ провіанта для уменьшенія тяжести. Не дай только Богъ оттепели — тогда бѣда; морозы снова пріударятъ, и снѣга покроются черепомъ: вся скотина пропала; ноги верблюдамъ подрѣжетъ, а корму нѣтъ тогда вовсе. Теперь идемъ рядами, нитками,

рядовъ въ пять, глубокими тропинками, протоптанными передовыми верблюдами; какъ верблюдъ оступится въ глубокій снѣгъ, съ жесткой тропы, такъ и полетитъ и уже рѣдко встаетъ. Вьюки пригнанные здѣсь, въ укрѣпленіи, сдѣланы дурно, не впору, ни по сѣдлу, ни по верблюду, сваливаются, душатъ верблюда: очень естественно, этотъ родъ вьюченья съ кляпами, очень хорошъ, если пригнать тщательно каждый вьюкъ отдѣльно; въ противномъ случаѣ не годится, а гораздо лучше вьючить по киргизски, съ завязкой. Объ этомъ докладывалъ я, когда только узналъ, что дѣлаются въ укрѣпленіи вьюки; дѣло кончилось бесѣдою, а теперь бѣда. О Хивинцахъ ни слуху, ни духу. Лошади всѣ въ отличномъ тѣлѣ, какъ были выкормлены въ Оренбургѣ. Вынеси Господь насъ на Усть–Уртъ; тамъ дойдемъ, дастъ Богъ; снѣга не могутъ быть тамъ глубоки, какъ здѣсь. По сю пору офицеры у насъ всѣ здоровы, что будетъ впередъ!

Въ укрѣпленіи жгли мы, и гарнизонъ частію, башкирскія телѣги, ихъ остались

тутъ тысячи; а если бъ вы видѣли, сколько тутъ брошено желѣза, шинъ, рваней, право страхъ сказать: вся степь или вѣрнѣе весь лагерь заваленъ. Вчера, 13–го, послѣдовалъ приказъ о назначенiи Цiолковскаго командующимъ колонной вмѣсто захворавшаго Молоствова. Сегодня опять считали верблюдовъ, дневка; такъ считали, никакъ, сыновъ Израилевыхъ въ пустынѣ. Кули, благодаря Бога, пересыпаютъ. Вчера я было совсѣмъ разклепался, сегодня мнѣ хорошо, только поясница болитъ; но это болѣзнь на походѣ скучная, да не опасная. Вчера сидѣли мы всѣ пятеро въ юлламѣ своей вкругъ огонька, и Л. насъ ужасно насмѣшилъ и распотѣшилъ. Въ чайникѣ нашемъ была водка; выливши ее, мы положили въ него снѣгу, чтобы выполоскать, и поставили на огонь. Л. ничего этого не зная взвылъ по верблюжьи и зарычалъ львомъ, когда голубое пламя внутри чайника стало пробѣгать по снѣгу. Мы съ своей стороны отвѣчали преспокойно, что это не диво и что здѣшнiй снѣгъ всегда горитъ. Ist es möglich? Wäre

es möglich? Das wäre doch des Teufels — словомъ, у нашего ученаго умъ за разумъ зашелъ; онъ началъ доказывать, что въ снѣгу могутъ находиться горючія частицы щелока, и тому подобное, выскочилъ сломя голову изъ юлламы, ухватилъ, какъ вдохновенно бѣснующійся, комъ снѣгу и поднесъ его къ огню — но снѣгъ не загорался; рѣшено было, въ общемъ собраніи, что снѣгомъ топить нельзя, а надо запасаться дровами. Смѣшной случай этотъ напомнилъ мнѣ другой, подобной анекдотъ, видѣнный и слышанный мною у старика Паррота; онъ показывалъ намъ какой–то физическій опытъ и указалъ всѣмъ на желѣзную трубочку, изъ которой вода должна ударить; началъ качать, качаетъ, качаетъ — воздухъ шипитъ, а воды ни капли. Старикъ обошелъ насосъ со всѣхъ сторонъ, осмотрѣлъ его, удивлялся, но счелъ наконецъ обязанностію объяснить ожидающимъ развязки ученикамъ причину неожиданнаго явленія, и прочелъ очень ученое слово о барометрическихъ, термометрическихъ и игрометрическихъ

вліяніяхъ на насосы. Не успѣлъ однакоже кончить его, когда рябой и кривой прислужникъ его, знаменитый Кристьянъ, перебилъ его преспокойно, замѣтивъ, что вода еще не налита. На дневкѣ сегодня поиграли мы съ Коваленскимъ и Сафоновымъ немного въ шахматы, но они оба слабеньки. Между тѣмъ другіе поднесли Л. баранью башку, увѣряя его, что это голова дикаго осла, найденная на древнемъ полѣ сраженія. Хорунжій Мулла–Нуръ между тѣмъ препоясывалъ чресла свои мечемъ–кладенцемъ, чтобы явиться къ новому начальнику, отцу и командиру своему.

VII.

18 Генв. **На вчерашнемъ переходѣ встрѣтили мы больныхъ нашихъ съ Акъ–Булака. У меня сильно болитъ поясница, и я не могу еще сѣсть верхомъ, и лежалъ въ койкѣ на верблюдѣ; поэтому я не могъ самъ видѣть больныхъ, но, говорятъ, было страшно. Изъ Акъ–Булака отправлено ихъ 232 человѣка, а на дорогѣ, въ шесть дней, умерло изъ нихъ 46. Все цынга. Разумѣется, что тѣ, которые скончались дорогою, не долго прожили бы и въ цынготныхъ землянкахъ своихъ, въ Акъ–Булакѣ; а кто вынесетъ переходъ этотъ, можетъ надѣяться выздоровѣть. На Эмбѣ имъ будетъ лучше, они будутъ жить въ кибиткахъ. Дай Богъ скорѣе дотащиться. На Усть–Уртѣ — бывало столь страшномъ — мы отдохнемъ. Не можетъ же быть, чтобы тамъ былъ такой снѣгъ. Здѣсь верблюдовъ посылаютъ на тебеневку съ лопатами, расчищаютъ напередъ снѣгъ. Коваленскій, о которомъ у васъ разнеслись какіе то нелѣпые слухи, ждетъ насъ въ Акъ**

Булакѣ, но, говорятъ, самъ боленъ. Моей болѣзни не пугайтесь; она мнѣ крайне надоѣдаетъ, это правда, но извѣстный Drachenschuss, столь страшный по прозванію, какъ сами вы знаете, никогда не бываетъ опасенъ. — У насъ появилась дойная верблюдица; молоко очень хорошо, густо какъ сливки и солоно.

***22–го*. Прошли знаменитыя горы Бакыръ и Али; до Акъ–Булака осталось намъ не болѣе 45 верстъ. Что за пустынный печальный край! Здѣсь лѣтомъ одно только сухое море. Мысль цѣпенѣетъ, когда глазъ обнимаетъ на безконечное пространство сухую, чахлую, безводную и безплодную почву. А зимой! Въ продолженіи двѣнадцати дней, съ самаго выступленія съ Эмбы, мы два только раза могли напоить лошадей; одинъ разъ въ дурномъ, соленогорькомъ озерѣ и вчера, у подошвы горы Али изъ родника, бѣднаго, но прѣснаго, хотя и напитаннаго гипсомъ. Верблюдовъ водятъ пасти съ лопатами, разгребаютъ для нихъ снѣгъ; но силъ человѣческихъ не достаетъ на то, чтобы**

разгрести достаточное для нѣсколькихъ тысячъ верблюдовъ пространство; снѣгъ глубокъ, жестокъ, смерзъ и окрѣпъ, и притомъ спросите, что подъ снѣгомъ этимъ? — обвѣтрившійся мергель, гипсъ, сѣрая вакка, желѣзистая, разсыпная, и еще соленоватый илъ; чернозему ни зерна. Ковылъ (stipa) по сю сторону Эмбы появляется только изрѣдка на сопкахъ пригорковъ, а въ полѣ горькія полыни, бѣдныя, мелкотравчатыя, да уродливыя солянки, разсѣянныя тутъ и тамъ нещедрою рукою, не могутъ покрыть собою ни одного фута земли. Это край, который лежитъ въ пустѣ цѣлыя столѣтія, вѣроятно тысячелѣтія, съ тѣхъ поръ, какъ обнажился отъ морскихъ волнъ. Кочевой Ордынецъ раннею весною торопливо и боязливо прогоняетъ по этимъ мѣстамъ тощіе стада и табуны свои, поспѣшая на Эмбу, въ Барсуки или въ Каракумъ, и считаетъ сыпучіе пески отраднымъ убѣжищемъ въ сравненіи съ этой могилой.... О Хивинцахъ ничего положительнаго не слышно; говорятъ, будто они выжидаютъ насъ у

Каратамака, у Давлетъ Гирея. Я этому не вѣрю; они не могутъ держаться столько времени на одномъ мѣстѣ, не могутъ запастись продовольствіемъ. Говорятъ, у Акъ–Булака появляются по высотамъ конники и высматриваютъ что дѣлается; это можетъ быть. Для этого непріятель могъ оставить по дорогѣ полсотни двуконныхъ наѣздниковъ. Конечно надобно быть болѣе нежели скотомъ, чтобы не сдѣлать даже и этого; и журавли, и гуси, и олень ставятъ сторожей по высотамъ, чтобы не поддаться расплоху. Десять дней уже, какъ мы разлучены съ В. А.; сегодня онъ долженъ прибыть къ намъ, слава Богу. Онъ обрадуется: мы идемъ довольно хорошо, кидаемъ — въ одной нашей колоннѣ — ежедневно отъ 8 до 20 верблюдовъ, это правда; но благодаря Бога, подвигаемся впередъ. Весь путь усѣянъ падшими подъ ношей своей животными двухъ передовыхъ колоннъ. Въ Акъ–Булакѣ есть сѣно, изъ Акъ–Булака близко, не съ большимъ 400 верстъ, до спуска съ Усть–Урта, и на этотъ путь намъ достаточно половины

верблюдовъ, съ которыми вышли. Сей часъ закричали, что В. А. ѣдетъ; молодцы наши глядѣли въ зрительныя трубы и увидали, какъ онъ спускался съ горы. Кругомъ въ лагерѣ козаки и солдаты запѣли пѣсни. Онъ выѣхалъ изъ укрѣпленія съ Бай–Мохамедомъ, надѣясь нагнать насъ дня въ два; между тѣмъ мы ушли благополучно впередъ, и онъ былъ нѣсколько дней въ крайней нуждѣ: кромѣ черныхъ сухарей не было ничего. Вчера мы послали ему на встрѣчу мяса, вина и нѣсколько полѣнъ дровъ. О себѣ онъ всегда подумаетъ послѣ всѣхъ!....

28 Акъ–Булакъ. Какая огромная, неимовѣрная разница въ теплѣ, съ вѣтромъ или безъ вѣтру на свѣтѣ жить! Три дня жили мы здѣсь, по 19°, 20°, 22°, морозу и сильный NO вѣтеръ, безъ вьюги; нельзя было вынести этого холоду, и никакой огонь не спасалъ; продувало всѣ шубы и всѣ кибитки. Сегодня тѣже 19°, но ясно, тихо — и мы ходимъ въ однихъ курточкахъ, и маленькій огонекъ, на который искололи нѣсколько опорожнившихся ящиковъ,

грѣетъ какъ нельзя лучше. 10–го мы наконецъ вышли изъ Аты–Якши, между тѣмъ какъ Бизяновъ съ колонной своей выступилъ 2–го, а Геке послѣ насъ, кажется 16–го. Переходъ былъ труденъ: какихъ нибудь 170 верстъ или меньше, мы насилу прошли въ 15 дней и прибыли сюда 25–го. Всѣ колонны шли также медленно....

На полпути отъ Эмбы прошли мы препорядочную гору Бакыръ–мѣдь, по Русски, потому что тутъ есть и мѣдная руда. За тѣмъ протащились съ большимъ трудомъ чрезъ гору Али, въ снѣгу по колѣна. Орудія опять поставлены на колиса: на саняхъ тяжеле, потому что въ такомъ непомѣрномъ снѣгу они орутъ, какъ плугъ, а колеса идутъ накатомъ, и передъ ними не накопляются горы снѣгу. 12–ти фунтовыя идутъ въ 8 лошадей, и не рѣдко люди помогаютъ. Въ ящикахъ идутъ верблюды и лошади; но вообще верблюдъ везетъ хорошо только по ровному, не топкому мѣсту. Одну Крымскую арбу оставили мы на Эмбѣ (Аты–Якши), другую изрубили дорогою на дрова: верблюды

стали, а въ саняхъ идутъ изрядно, если сани легки. Погрѣлись мы около арбы этой и жгли рѣдкій и здѣсь небывалый лѣсъ, какъ простую чилигу: яворъ, грабъ, букъ, кизылъ, караичъ. Первыя три недѣли мы, по глупости своей и по избытку совѣсти, жили безъ огня, безъ всякаго удобства; нынѣ все это измѣнилось къ лучшему: мы воруемъ дрова и уголь не хуже всякаго. Взгляните напримѣръ въ эту минуту въ юлламу нашу: на дворѣ еще свѣтлый день, а у насъ темная ночь, все кругомъ закутано и закрыто, ни щелки, ни дырочки; по срединѣ лежитъ желѣзная шина: это чувалъ нашъ или каминъ; среди шины тлѣетъ изрядная кучка угольевъ, рядомъ лежитъ вязанка сухихъ дровецъ, изъ окрашенныхъ ящиковъ и номерованныхъ бирокъ, которыми хотѣли было отмѣчать верблюдовъ; но скоты эти всѣ захотѣли быть рядовыми, безъ отличія, и хозяева ихъ, будучи того же мнѣнія, оборвали съ нихъ въ первые два перехода всѣ знаки безпорочной службы...

Я писалъ вамъ, что укрѣпленіе на Эмбѣ довольно благовидно, землянокъ много, и они довольно опрятны; кровли и будки лубочныя, есть магазины, амуничники. Акбулацкое совсѣмъ въ другомъ вкусѣ: большой, бастіонированный редутъ разгороженъ валомъ и рвомъ и 3/4 его покинуты; землянки бѣдныя, по стѣнамъ цвѣтетъ селитра и магнезія; половина ихъ разломаны уже по недостатку дровъ и сожжены; словомъ, не грѣхъ покинуть укрѣпленіе это.... Между тѣмъ дунулъ и потянулъ ночной вѣтерокъ отъ NO; это произвело небольшое разстройство въ угодьѣ и раздольѣ нашемъ. Юлламейка вдругъ остыла, и термометръ, показывавшій прежде на ящикѣ моемъ 7°, стоитъ на — 3°. Покинувъ писаніе, напились мы въ буфетѣ чаю и наслушались жаркихъ преній, споровъ о родствѣ и свойствѣ и происхожденіи знаменитѣйшихъ вельможъ нашихъ и столбовыхъ, столичныхъ дворянъ и гвардейскихъ разсказовъ объ актрисахъ. Сказать ли вамъ, между нами, что бы я сдѣлалъ теперь на мѣстѣ нашего старшаго?

Намъ дорогъ каждый кусокъ хлѣба и каждый верблюдъ, который можетъ поднять какую нибудь ношу; больныхъ, какъ излишнюю тягость, на этомъ трудномъ походѣ отправляютъ обратно; съ ними–то вмѣстѣ, я отправилъ бы и всякую иную лишноту. Пересчитайте хорошенько, и вы согласителсь, что ея довольно; тогда бы много штабъ и оберъ–офицерскихъ и деньщичьихъ пайковъ пошли бы на строевыхъ, много верблюдов подъ сухари и крупу, облегчилося бы и сердце начальника тякже; заботою меньше. Мысль эта, можетъ быть, нѣсколько себялюбива, потому что я и себя считаю въ числѣ этой лишноты; но право, я говорю болѣе изъ любви къ пользѣ общей. Теперь слово о другомъ: нѣсколько нижнихъ чиновъ (изъ пѣхоты) умерли почти скоропостижно; ихъ схватываетъ подъ ложкой, дыханіе съ минуты на минуту болѣе затрудняется, иногда еще присоединяются корчи и — аминь. Apoplexia pulmonum? Кровопусканія временно облегчаютъ. Впрочемъ, я только видѣлъ ихъ мимоходомъ — пользуютъ другіе. Но я

волей и неволей очень плачевнымъ образомъ попалъ во врачи. В. А. пріѣхалъ съ Эмбы очень нездоровый. Загадочная болѣзнь его возобновилась([3]). Что тутъ дѣлать, на походѣ, когда и на мѣстѣ ничего не помогало?

---

(3) Болѣзнь легкихъ, слѣдствіе тяжкихъ физическихъ лишеній и ранъ, и отчаянная тоска. Гр. Перовскій и умеръ отъ этой болѣзни. Слич. Р. Арх. 1865, Изд. 2–е, стр. 1031.

VIII.

3–го Февр. **В. А. не уѣдетъ прежде чѣмъ не успокоится на счетъ общаго отправленія. Тутъ по крайней мѣрѣ у насъ есть хлѣбъ, и есть кой какія средства и пособія въ рукахъ; напереди — одна гибель. У насъ теперь падаетъ до 150 и не менѣе 100 верблюдовъ въ сутки; это на мѣстѣ, безъ работы, что же было бы на походѣ? Долго мы обманывали сами себя, никто не смѣлъ думать, не только говорить о возвратѣ; я записалъ однакоже, самою мелкою и нечеткою рукой, въ записной книжкѣ своей, 10 го Генваря: въ первый разъ сомнѣваюсь положительно въ нашемъ успѣхѣ; верблюды такъ плохи, что не дойдешь. В. А. сильно колебался, сомнѣвался, допрашивалъ всѣхъ, допытывалъ всякаго; всѣ полагали, что идти надобно, что возвратиться никакъ и ни въ какомъ случаѣ нельзя, если бы даже положить головы; эту справедливость надобно отдать по крайней мѣрѣ большей части офицеровъ — и на этомъ основаніи**

отвѣчали всегда только увѣреніями и убѣжденіями; даже тѣ, которые сами были увѣрены въ невозможности, говорили безотчетно противное. Наконецъ, когда дѣло дошло до того, что надобно было двигаться впередъ, когда сосчитали верблюдовъ, сочли убыль и разочли, что надобно поднять — тогда горестная истина обнажилась и несбыточность заняла мѣсто надежды. Съ Эмбы пало у насъ 2000 верблюдовъ; скажу вамъ, не отвѣчая за истину этого, что говорятъ сами Кайсаки: до 1000 верблюдицъ между прочимъ ожеребились на походѣ, и естественно, что они уже изъ счету вонъ. Эти верблюдицы, равно и много плохихъ верблюдовъ, говорятъ Кайсаки, были подмѣнены послѣ того, какъ вы ихъ изволили осматривать; это, говорятъ они, случилось почти со всѣми верблюдами, которые съ наемщиками, а не съ хозяевами. Впрочемъ, повторяю, и лучшіе верблюды не выдержали, и къ веснѣ, безъ всякаго сомнѣнія, будутъ еще слабѣть и худѣть до новаго подножнаго корму... — Убитые у

Акъ–Булака Хивинцы доказываютъ собою, что сборы у нихъ были большіе; во 1–хъ, это не Кайсаки, а Хивинцы, Туркмены и Каракалпаки — ихъ отличаютъ по одеждѣ и въ особенности по шапкамъ; во 2–хъ, всѣ были одѣты необыкновенно тепло, на всякомъ по шести и семи халатовъ, рубаха или нижній стеганный халатъ, стеганные наушники и портянки. Наѣздники дѣйствительно сидѣли на аргамакахъ, изъ нихъ также одинъ остался на полѣ битвы. Больныхъ у насъ — въ особенности въ укрѣпленіяхъ — много; всего до 600 челов. Изъ 1500 казаковъ, включая туда и артиллерію и дивизіонъ 1–го полка, которые совсѣмъ не казаки, убыло больными и умершими около 60; а изъ 2750 чел. пѣхоты слишкомъ 600. Люди 1–го полка также очень болѣютъ и увеличиваютъ въ кавалеріи число больныхъ. Уральцевъ, кромѣ пяти, шести человѣкъ съ отмороженными перстами и съ ознобами, больныхъ нѣтъ. Доселѣ замерзъ у насъ одинъ только солдатъ, и то здѣсь, на Акбулакѣ, ушедши въ буранъ за дровами. Я

удивляюсь еще, какъ народъ такъ хорошо переноситъ стужу эту и недостатокъ топлива; у насъ сегодня, 3го Февр. опять — 29°, и уже около двухъ недѣль все 22 и 247. Дровъ нѣтъ. Сожгли лодки, сожгли канаты, которые горятъ превосходно; пѣхота словно не живая; вѣрите ли, что солдата нашего надобно не только одѣть и обуть, но и завернутъ, окутать и застегнуть; надобно научить его, какъ въ походѣ варятъ на камышѣ кашу, какъ ставятъ котелки въ одинъ рядъ и отгребаютъ золу и прочее. Не смотря на все это, надобно сказать правду: даже и пѣхота наша повѣсила носъ, когда объявили приказъ о томъ, чтобы поворотить оглобли; казаки просились убѣдительно, чтобы ихъ пустить однихъ, и старикъ Бизяновъ даже самъ увлекся неумѣстнымъ пыломъ этимъ и хотѣлъ кончить походъ двумя полками Уральцевъ; только убѣдившись, что верблюды наши не донесутъ до Хивы продовольствіе даже и для двухъ полковъ и что вся остальная часть отряда была бы не въ состояніи дойти до Эмбы, еслибы отобрать всѣхъ лучшихъ

верблюдовъ, онъ увидѣлъ несбыточность своихъ предположенiй и вспомнилъ атамана Нечая и думнаго дьяка его, котораго, какъ извѣстно, повѣсили на Дьяковыхъ горахъ, противъ Рубежнаго, за то, что онъ не хотѣлъ идти на Хиву, а впослѣдствiи отрядъ погибъ тамъ до послѣдняго человѣка, на обратномъ пути. Теперь тоже: дойти двумъ полкамъ можно — но назадъ какъ? Набѣгъ можно сдѣлать за три, четыре перехода отъ операцiонной точки своей, но не за полторы тысячи. Чихачевъ у насъ одинъ изъ полезнѣйшихъ людей въ отрядѣ; онъ взялъ на себя самую тяжелую, въ военное время и самую неблагодарную часть: попечительство о больныхъ. Онъ возится съ ними день и ночь, не ѣстъ, не спитъ, и успѣлъ многихъ накормить, которые безъ него вѣроятно остались бы голодны, и обогрѣть такихъ, которые бы замерзли. Намъ жаловаться не на что; въ сравненiи съ рядовыми, мы знаемъ всѣ трудности похода своего только по наслышкѣ. Бай Мохамедъ, когда требовали чтобы онъ сказалъ положительно мнѣнiе свое о верблюдахъ

нашихъ, по прибытіи на Акъ Булакъ, отвѣчалъ: «надежнаго на весь путь вербюда я не видалъ ни однаго.» Къ этому онъ прибавилъ, что въ такую жестокую зиму, верблюды дохнуть сами по себѣ, на мѣстѣ, безъ работы, не только на походѣ и подъ вьюкомъ. Мы покидаемъ на Акъ Булакѣ болѣе 1000 четвертей, частію и розданныя, кому было угодно, не въ зачетъ. Еслибы у насъ не было на Эмбѣ продовольствія, а въ Оренбургѣ помощи, то не знаю какъ бы мы дошли домой; кажется, не дошли бы вовсе. Я во всю жизнь свою, сколько помню, видѣлъ только разъ или два побочныя солнца, которыя всегда предвѣщаютъ жестокія стужи; нынѣ явленіе это было во всю зиму такъ обыкновенно, что подъ конецъ не обращало на себя почти никакого вниманія. Нѣсколько разъ, при самомъ восходѣ солнца, являлось въ одну секунду три солнца на горизонтѣ.

14–го Февр. **Въ Дебатахъ (Journal des Debats) и другихъ газетахъ, которыя до насъ доходятъ, пишутъ всякую всячину. Общаго только то, во всѣхъ разсужденіяхъ**

этихъ, что называютъ отрядишко нашъ *арміею*, не вѣрятъ, чтобы онъ состоялъ только изъ 20–т. человѣкъ; говорятъ, что резервная армія идетъ еще сзади и что вся степь сѣла на коня, чтобы сдѣлать вмѣстѣ съ нами набѣгъ на среднюю Азію. Газетчики не догадываются вовсе, что у насъ всего на все, съ деньщиками, съ фурлейтами, не было полныхъ *пяти* тысячъ челов; что весь Оренбургскій корпусъ, хотя и называется корпусомъ, по составу своему отвѣчаетъ только одной слабой армейской дивизіи; что вся помощь, которую въ крайнемъ случаѣ, можно бы еще получить съ линіи въ пѣхотѣ, состоитъ, по *вѣрнѣйшимъ* расчетамъ, изо *ста* человѣкъ, и то съ тѣмъ, чтобы замѣнить еще нѣсколько карауловъ Башкирами и прикомандировать часть инвалидовъ въ баталіоны…

Какъ различны обнаруживающіяся на разныхъ лицахъ впечатлѣнія, отъ неудачи настоящаго Хивинскаго похода! Насъ всѣхъ можно, въ этомъ отношеніи подвести подъ три главные разряда. Одни горюютъ,

понимая всю важность неудачи при нынѣшнихъ политическихъ отношеніяхъ: ударъ на Хиву въ самомъ дѣлѣ былъ бы теперь, когда Англичане заняли Кабулъ, очень во время и у мѣста; намъ бы придало дѣло это много вѣсу, въ Азіи и въ Европѣ. Другіе — человѣка два, не болѣе, — соболѣзнуютъ, собственно по привязанности своей къ главному начальнику, о немъ; также о необыкновенныхъ условіяхъ края, о потерѣ людей, а нѣтъ, кажется, сомнѣнія, что все предпріятіе это, считая и Башкировъ, возившихъ лѣтомъ продовольствіе, будетъ стоить почти 1000 человѣкъ. Третіи наконецъ, и этотъ разрядъ самый обильный, не могутъ скрыть негодованія своего на счетъ обманутой надежды своей — не надежды увидѣть Россію первенствующею въ Средней Азіи державою, какъ политическое положеніе и достоинство ея требуютъ; не надежды увидѣть смѣлый и славный ударъ благополучно исполненнымъ — а надежды на чинъ и крестъ. «Чортъ меня понесъ,

зачѣмъ я пошелъ!», эти восклицанія можете услышать частенько; потомъ разсужденія, что, не смотря на неудачу, труды и лишенія были у насъ все тѣже, что это де заслуживаетъ уваженія, и что вообще весьма несправедливо принято у насъ награждать за одну удачу, хотя бы трудовъ было не много, а оставлять безъ вниманія неудачныя предпріятія, хотя бы они были труднѣе кампаніи 12–го года.

20–*го Февраля 1840*. Сидимъ на Эмбѣ и надѣемся, со дня надень, увидѣть весну; между тѣмъ вчера и сегодня — 25°. Я сдѣлалъ сегодня разсчетъ, взялъ среднее состояніе тепла во время экспедиціи Берха, и нынѣшней зимою. У Берха за 79 дней (16 Дек. по 4 Март.) среднее $15^1/_2$–о; у насъ, за 94 дня, съ 19 Ноября по 20–е Февр. круглымъ числомъ приходится почти по 19° на день. Какъ у Берха, такъ и у насъ, бралъ я изъ ежедневныхъ наблюденій только одно, самое большее число. Слишкомъ три мѣсяца сряду, по 19° кругомъ на день!! Вчера начали мы праздновать маслиницу: блины, по

недостатку здѣсь сковороды, пеклись на жестянныхъ тарелочкахъ, собственно по моему изобрѣтенію и предложенію, и мы выслушали при этомъ всѣ подробности родословной тарелокъ этихъ и узнали, какъ это сказано было намъ утвердительно и подтвердительно, что тарелки англійской жести, настоящей англійской двойной. Почтенный сожитель нашъ Молоствовъ вчера отправился въ колонну: онъ идетъ на линію, вмѣстѣ съ прочими отпущенниками. Чихачевъ не захотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ, и отказался. Ему конечно все равно, гдѣ зимовать и лѣтовать. Путнику по *званію* съ чужбины домой ѣхать не за чѣмъ...

5–6 дней провели мы въ укрѣпленіи тепло и, можно сказать, пріятно. Много было шутокъ и смѣху; В. А. спокоенъ и иногда довольно веселъ... Не по моему вкусу только то, что мы ложимся не прежде часу, а спимъ по *неволѣ* долго послѣ обеда. По неволѣ, говорю, чтобъ не мѣшать другимъ, ляжишь, лежишь часа два, три тихохонько и уснешь. Превратная жизнь эта

непремѣнно разстраиваетъ здоровье; сидѣть за полночь обращается въ привычку; человѣкъ уже не можетъ заснуть ранѣе, тревожное веселье, готовность сидѣть и любезничать ночью, является у насъ на счетъ утренняго здоровья, и мы встаемъ въ десятомъ часу съ тяжелой головой и тусклыми очами; человѣкъ дѣлается, послѣ ночнаго отдыха, смутнымъ, невеселымъ: и только къ ночи состояніе его дѣлается опять сноснымъ, чувства его въ своей тарелкѣ, и онъ здоровъ. Это состояніе обманчивое, лживое, разстроенное; человѣкъ здоровый душой и тѣломъ чувствуетъ себя утромъ, послѣ законнаго отдыху, въ естественно веселомъ расположеніи и въ силахъ. Ночное здоровье есть только слѣдствіе превратной жизни нашей и большинства духовной жизни, перевѣсу ея надъ тѣлесною. А этого быть не должно: одно равновѣсіе спасительно.

Вчера, до поздней ночи, шла рѣчь о плачевныхъ опытахъ нашихъ при неудачномъ предпріятіи и о томъ, кто,

какъ, чѣмъ и на сколько отъ этого поумнѣлъ. Всѣ видѣли огромное затрудненіе пройти съ войскомъ 1500 верстъ по безпріютному пространству и нести непомѣрное количество продовольствія съ собою. Хотѣли избѣгнуть большей части неудобствъ, пустивъ войска впередъ, а продовольственные караваны отдѣльно. Изъ этого однакоже возникаетъ тоже самое затрудненіе, еще въ большей степени: для конвоя и для навьючки необходимо тогда отряжать новыя силы, а для нихъ также свое продовольствіе, свои обозы и караваны. Говорили также, что отрядъ должно пустить, для облегченія хода и добывки фуража, не одною, а двумя различными дорогами — на Сарайчикъ и на Сыръ. Кажется, при этомъ не разчитали, что тогда необходимо дѣлать два склада, одинъ вовсе отдѣльно отъ другаго, особыми средствами, и что все это будетъ стоить двухъ экспедицій вмѣсто одной. Я думаю такъ: главнѣйшія затрудненія: 1. снабженіе отряда продовольствіемъ и 2. разный маршъ, передвиженіе войска въ отдаленный

край. Все остальное, какъ то: охраненіе каравана, побѣда надъ непріятелемъ, и прочее, все это обстоятельства второстепенныя, потому что представляютъ несравненно менѣе затрудненій. Основываясь на помянутыхъ двухъ главнѣйшихъ началахъ, должно ограничиться возможно меньшимъ количествомъ войскъ, а слѣдовательно ни подъ какимъ видомъ не увеличивать числа его, помнить, что каждый человѣкъ требуетъ, для шестинедѣльнаго продовольствія здороваго, сильнаго верблюда; и второе, устроить все такъ, чтобы не стоять по двѣ и по три недѣли на одномъ мѣстѣ, а идти ходко, спѣшно, до самаго мѣста; не строить дорогою колоннъ, которыя очень красивы въ чертежной, на бумажкѣ, но неисполнимы на дѣлѣ, замедляютъ до неимовѣрности ходъ, изнуряютъ людей и верблюдовъ и не ведутъ ни къ чему; а наконецъ, коли найдутся способы доставить все необходимое въ Сарайчикъ, то привести и все войско туда; оно выиграетъ этимъ путемъ — предполагая,

что пойдутъ зимою (а это необходимо, для воды) верстъ 200 или 300 степной дороги, хоть и пройдетъ столькоже лишней въ своемъ краю. Но 300 вер., выигранныя въ первомъ случаѣ, дороже 400 домашнихъ. Если же 3–т. человѣкъ здоровые прибудутъ въ ханство съ продовольствіемъ на шесть недѣль, то дѣло наше выиграно, и зная непріятеля и всѣ обстоятельства, нельзя опасаться неудачи. Возраженій можно сдѣлать много; отвѣчаю на все это, что нѣтъ войны безъ *авось*, и здѣсь оно также занимаетъ свое обычное мѣсто; но соображаясь со всѣми данными, ограничиваясь возможнымъ и истиннымъ, придерживаясь не *строй* теоріи, не зеленыхъ предположеній и умозрѣній, а опыту, надобно, при новомъ предпріятіи признать основными началами: 1, какъ можно менѣе людей; 2, ускорить ходъ, идти во всѣ лопатки, покуда верблюды держатся, зная, что они отъ отдыху зимой не поправляются, а худѣютъ; 3, уменьшить по возможности то пространство, которое должно пройти съ продовольствіемъ на

плечахъ; 4, уменьшить (и это относится уже къ 1–му пункту) уменьшить или уничтожить вовсе сословіе г. г. бездѣльниковъ: т. е. всѣхъ, которые безъ вреда отряду могутъ быть оставлены, оставить дома, а лучше дать имъ крестъ за доброе сидѣнье на мѣстѣ. Кромѣ неудобствъ матеріальныхъ, происходящихъ отъ присутствія этой лишноты, есть еще вредъ нравственный, и онъ опаснѣе перваго. Еще важнѣйшее правило на будущее время, выведенное къ несчастію также изъ опыта: помнить день и ночь, что верблюдъ не деревянная кобылка, которой нѣтъ износу ни изводу, а тоже живое созданіе, хоть и скотина. Несчастный предразсудокъ, бѣдственное мнѣніе, что верблюду ничего не значитъ пробыть сутки или двое безъ пищи, надѣлалъ намъ много вреда. Верблюдъ индюшка, животное кволое, нѣжное, любитъ тепло, гибнетъ отъ стужи; онъ выручитъ изъ бѣды и пробудетъ три, четыре дня безъ пищи тамъ, гдѣ настоитъ дѣйствительная крайность, если его беречь и холить и кормить напередъ и удержать въ

тѣлѣ до этой критической минуты.... Очень знаю всѣ неимовѣрныя трудности присмотрѣть надлежащимъ образомъ за такимъ огромнымъ количествомъ скота, и еще на походѣ, гдѣ всякій по по неволѣ заботится о себѣ, старается отогрѣться, наѣсться и отдохнуть; но тѣмъ менѣе можно пренебрегать этимъ, тѣмъ болѣе должно стараться за скотомъ смотрѣть хозяйскимъ, а не казеннымъ глазомъ. Къ несчастію намъ теперь, когда мы въ дѣйствительной крайности, нельзя уже беречь верблюдовъ, а остается почти только доканать ихъ въ конецъ. Перевозка продовольствія, доставка топлива, все это прогулка въ оба конца верстъ въ 40, 50, 60 — двои сутки усиленнаго перехода, безъ всякаго корму, потому что его близъ укрѣпленія нѣтъ ни зерна, ни былинки, это свалитъ съ ногъ здороваго и заморить сытаго, а тощаго уложитъ на дорожкѣ и свернетъ ему, на послѣдушкѣ, голову подъ крыло. Нынѣшній походъ сталъ казнѣ съ небольшимъ $1^1/_2$ милліона; а если оцѣнить все что сдѣлано мѣстными

средствами на деньги, то нельзя изворотиться 15–ю милліонами. Одни верблюды, которыхъ по доброй волѣ *нельзя* купить за деньги, одни верблюды по оцѣнкѣ стоятъ полтора милліона; а доставка продововольствія Башкирами, если бы произведена была наймомъ, должна стать шесть милліоновъ, но и тутъ опять нѣтъ сомнѣнія, что деньгами сдѣлать этого нельзя; нѣтъ возможности отправить изъ Оренбурга 12–т. наемныхъ телѣгъ, если ихъ не выписать изъ Русскихъ губерній, и тогда они обойдутся еще вдвое дороже: я клалъ по 500 р. на ямщика....

IX.

21–го. **Празднуемъ маслянницу блинами, и блины ѣдимъ съ яйцами, съ лукомъ, съ масломъ, съ свѣжей икрой. Впродолженіе недѣли что стоимъ теперь на Эмбѣ, въ землянкѣ нашей ночь и день не слыхать почти другаго слова, какъ расчеты четвертей, гарнцевъ, пудовъ и фунтовъ. В. А. перечитываетъ между тѣмъ, лежа подлѣ, Пугачева и Арабески, единственныя книги, которыя кто–то завезъ на Аты–Якши. У меня взято книгъ съ пятокъ, которыя могутъ быть перечитаны по нѣскольку разъ, напр. Шекспиръ, Фаустъ; но и чтеніе надоѣдаетъ, недостаетъ терпѣнія: какое–то безотчетное безпокойство отвлекаетъ мысли и иногда, схвативши ружье, съ особеннымъ удовольствіемъ бѣжишь пострѣлять черныхъ жаворонковъ и подорожниковъ, которыхъ вкругъ укрѣпленія множество. Разсчеты эти вслухъ, впродолженіе цѣлаго дня, наводятъ въ тѣсной землянкѣ тоску. Въ десятый разъ разсчитали сейчасъ, что у**

насъ продовольствія станетъ мѣсяца на три — очень утѣшительно; хоть бы его не было вовсе, такъ поскорѣе бы ушли!

Кто–то замѣтилъ сегодня въ разговорѣ, что у многихъ казаковъ на лицѣ перемѣнилась третья и четвертая шкура; В. А. на это замѣтилъ: «да, удивительно; всѣ мы, не смотря на безпримѣрные, жестокіе морозы, возвращаемся съ *носомъ*»…. Завтра ѣдемъ съ В. А. въ отрядъ, верстъ за 30, провожать отправляющійся во свояси дивизіонъ; тамъ опять воротимся, и тогда уже предположено заняться по вечерамъ пятьюдесятью двумя разбойниками. Прибѣжище конечно жалкое, но дѣлать нечего; гарнцы, четверики и четверти хуже и несноснѣе картъ…. Расчетъ за 101 день нашего похода, даетъ равно 18° холоду на день. Морозы все продолжаются 26°, 18°, 16°, а между тѣмъ соки во всѣхъ кустарникахъ уже ударили изъ корней въ стволы и сучья; дрова наши такъ сыры, что почти не горятъ, одинъ только дымъ и паръ; на дняхъ поймали тушканчика, который видно

проснулся не по погодѣ, а по числамъ, надѣялся встрѣтить въ концѣ Февраля весну. Леманъ нашелъ уже 3–хъ–4–хъ живыхъ жуковъ; словомъ, по всему весна, еслибы только не морозъ, не снѣгъ по колѣно, да не буранъ, который теперь ежедневно разыгрывается и бушуетъ съ ужасной силой. Я сегодня также сдѣлалъ разсчетъ больныхъ и умершихъ; вотъ что выходитъ: пѣхоты выступило изъ Оренбурга: 2,928 челов., казаковъ Уральскихъ 1,204; дивизіонъ 1–го полка 219 чел.; Башкировъ и Оренбург. казаковъ, по поламъ, 345 чел., конныхъ артиллер. (казаковъ) 141, гарниз. артилл. 112. Больныхъ было: 1,308; выздоров. 909; отправлено въ Оренб. и Защиту 56, умерло 139, состоитъ 304. Въ укрѣпленіи былъ кромѣ того свой гарнизонъ, были обозы Башкировъ и свои госпитали; въ Эмбенскомъ пѣхоты переболѣло 830 чел. (слѣдов. каждый обратился по нѣскольку разъ въ госпиталѣ), умерло 154; умерло еще разной команды, частію переданной изъ отряду — всего: состояло 1,450;

выздоров. 750; умерло 247. Поэтому въ отрядѣ изъ пѣхоты, болѣлъ второй человѣкъ, изъ дивизіона 1–го полка второй, изъ Башкировъ 10–й, изъ Уральскихъ казаковъ 52–й!! Объ Оренбургскихъ казакахъ нельзя сдѣлать вѣрнаго расчета, потому что они же были и въ укрѣпленіи, и свѣдѣнія перемѣшаны; но болѣлъ, видно, около 10–го. Умерло: въ пѣхотѣ 24–й изъ здоровыхъ, въ дивизіи 24–й, въ Башкирахъ, всего 170 челов., умершихъ нѣтъ; у Уральцевъ умеръ двухъ–сотый! Если къ этому еще пояснить, что 170 Башкировъ были выбраны молодые, здоровые ребята изъ лучшихъ кантоновъ, что даже пѣхота была пересортирована въ Оренбургѣ и много слабыхъ и ненадежныхъ оставлено, а что Уральцевъ напротивъ выставили сюда поскребышей, безъ всякаго разбора, стараго и малаго, потому что у нихъ уже 3 полка ушли на службу, кромѣ команды въ Москвѣ, линейцевъ, и пр. пр.: то нельзя не удивиться этой необыкновенной породѣ, которая выростаетъ среди тяжкихъ трудовъ своего промысла и свыкается заранѣе съ

тугой, съ голодомъ и холодомъ. Да, храбрѣйшая сторона нашего несчастнаго похода (или горемычнаго лучше сказать, потому что горе мыкали всѣ, а бѣды не видали) храбрѣшая часть, это бодрый духъ и пѣсни Уральцевъ во всякое время, во всякую погоду въ 20 и въ 32 градуса, въ ведро и въ ненастье, въ буранъ, который заноситъ снѣгомъ горло и глотку. Посмотрѣли бъ вы, какъ они проводили масляницу; было 16° и сильный буранъ; а у нихъ съ утра до ночи пѣсни и весь день, воскресенье, шла по лагерю такая гульба, будто дома, подъ качелями. Трое сѣли на одну лошадь, одинъ задомъ, одинъ передомъ, одинъ бокомъ, объѣхали съ пѣснями лагерь и прощались съ масляной, раскланиваясь всѣ во всѣ стороны. Потомъ явился медвѣдь съ поводатаремъ; тотъ плясалъ, а этотъ приговаривалъ и лупилъ его хворостиной по бокамъ, такъ что и медвѣдь обругался наконецъ вслухъ по Русски. Тамъ возили другъ друга въ саняхъ, съ пѣснями, и воображали, что катаются, наряжались, боролись, и

раздѣвались для этого до рубахи. Передъ пьянымъ было у нихъ положено сымать шапку, и тверезый долженъ ему говорить: ваше благородіе.... Ждемъ, не дождемся, будетъ ли нѣтъ ли нынѣ весна? Жучьки оживаютъ, тушканчики просыпаются, овцы — по словамъ Кайсаковъ — дней черезъ 10 должны ягниться, а сегодня 18°, снѣгъ лежитъ въ аршинъ, крѣпокъ, жестокъ, рѣки промерзли до дна, рыба во льду окаменѣла. Уральцы предсказываютъ, что зима будетъ стоять здѣсь до 25–го марта; у нихъ на это свои примѣты; пасха поздняя, февральское свѣтило (луна), свѣтитъ въ Мартѣ и пр; но обстоятельство заслуживающее вниманіе: они говорятъ, когда рога луны круты, непремѣнно строгая и поздняя зима. Крутыми рогами называютъ они обращенные нѣсколько вверхъ; нынѣ было полное лунное затмѣніе, луна, если я не ошибаюсь, была въ узлѣ, и — кажется — рога ея именно тогда и должны быть обращены къ верху, потому что она восходитъ по орбитѣ своей вверхъ. Можетъ быть, дѣйствительно при такомъ

положенiи луны зима всегда строгая, надобно бы справиться за нѣсколько лѣтъ назадъ. Такимъ образомъ нерѣдко народное повѣрье основано на какомъ нибудь смыслѣ, хотя и кажется съ перваго взгляда суевѣрiемъ, безсмыслицею. Если невѣжественная чернь неистовствуетъ безсмысленно какъ звѣрь, разъяренный всякимъ сопротивленiемъ и препоною, если толпа, повторяя слѣпо и глухо восклицанiя глашатаевъ, которые кричатъ для того только чтобы ихъ слышали, требуетъ безсмыслицы, то я не вѣрю поговоркѣ: гласъ народа, гласъ Божiй; а держусь тогда другой: мужикъ уменъ, да мiръ дуракъ. Тоже сказалъ, помнится, гдѣ–то Шиллеръ: Einzeln ist jeder der Herrn leidlich gescheidt und vernünftig; sind sie beisammen gleich wird auch ein Dumkopf daraus! Но я вѣрю преданiямъ, повѣрьямъ, обычаямъ, иногда и суевѣрьямъ; я вѣрю имъ столько, что не рѣшусь осмѣять ни одного, не изслѣдовавши его, не дошедши, по крайнему разумѣнiю своему, до начала и корня, до смысла и значенiя его. Не вѣрьте,

если вамъ кто скажетъ, что въ народныхъ бредняхъ нѣтъ смысла и значенія; по крайней мѣрѣ изо ста повѣрьевъ найдется, на первый случай, не болѣе пяти, шести, въ которыхъ мы не въ состояніи добиться до смыслу, да и тутъ еще спрашивается, гдѣ вина: искажено ли повѣрье временемъ и случаемъ, такъ что его нельзя узнать въ лицо, основано ли на утраченныхъ обычаяхъ и забытыхъ обстоятельствахъ, или просто мы слишкомъ удалены отъ понятій того сословія, которое держится повѣрья. Всѣ другія заключаютъ въ себѣ толкъ, иносказательный, или прямой; даже обычай не класть хлѣба на круглую корку, грѣшно, означаетъ, другими словами вѣроятно вотъ что: положи свѣжій хлѣбъ на круглую корку, то она отстанетъ, а потомъ плѣсень вскорѣ сядетъ и угнѣздится между мякишемъ и коркой. Объ этомъ предметѣ шелъ у насъ (В. А. NN и я) намедни предлинный разговоръ и бесѣда. Съ отбытіемъ Молоствова, В. А. взялъ насъ обоихъ къ себѣ въ кибитку и какъ онъ поздно ложится, то есть время

побесѣдовать вечеркомъ, когда воображеніе разыгрывается и охотно беретъ верхъ надъ сухимъ и холоднымъ разсудкомъ. Мы рѣшили между прочимъ, что сонъ самая загадочная вещь въ природѣ человѣка, а бдѣніе, бодрость души во время сна, непостижима; но все это вы знаете также, какъ и мы, и ждете вѣроятно отъ меня не метафизическихъ разсужденій съ береговъ пустынной Эмбы, а дѣла. Скажу жъ вамъ, что Бай–Мохаммедъ на дняхъ отправляется съ тремя сотнями Уральцевъ и горнымъ единорогомъ собирать верблюдовъ, потому что мы сидимъ на мели, подняться не чѣмъ, едва смогли перетаскать изъ укрѣпленія большую часть продовольствія въ отрядъ, и то большею частію на казачьихъ лошадяхъ, да переморили при этомъ послѣднихъ верблюдовъ, на разстояніи 30 верстъ. Уджрайцы и нѣкоторыя другія племена къ счастію не дали верблюдовъ, когда былъ общій сборъ; теперь есть придирка, и ихъ обдерутъ — если только захватятъ, какъ надѣемся, на зимовьяхъ. У насъ едва осталось 700 годныхъ верблюдовъ, да и тѣ

вѣроятно скоро откажутся, хотя и оставлены, по необходимости, при отрядѣ, для подвозки дровъ; остальные, все инвалиды на голо, отосланы на дальнія пастбища, въ надеждѣ, что нѣкоторые изъ нихъ поправятся къ веснѣ. Много верблюдовъ отморозили себѣ лапы; многихъ обули въ кеньги и полусапожки, но врядъ ли это поможетъ: уже поздно. По прибытіи нашемъ въ Оренбургъ, вы увидѣте у Житкова въ альбомѣ, какими мы уродами здѣсь ходимъ... Разсчетъ мой относительно смертности въ пѣхотѣ не вѣренъ; гарнизоны обоихъ укрѣпленій состояли въ числѣ 2930 человѣкъ пѣхоты, а всего умершихъ до 400, слѣдов, умеръ почти *седьмой* изъ здоровыхъ, въ 3 мѣсяца, а изъ Уральцевъ двухсотый....

***1 Марта 1840*. Градусовъ не много, 8; но сильный буранъ. Третьяго дня добрый, почтенный священникъ нашъ поѣхалъ, по зову, изъ отряда въ укрѣпленіе, вдвоемъ съ казакомъ. Ихъ также захватилъ на дорогѣ буранъ, они сбились съ пути и принуждены были ночевать въ чистомъ полѣ, между**

сугробами. Утромъ пріѣхалъ онъ, бѣднякъ, и насилу здѣсь отогрѣлся. Верблюды наши послѣ послѣднихъ бурановъ отказались вовсе; ихъ я думаю всего на все не осталось одной тысячи; да и тѣ не походятъ на живыхъ. Для перевозки изъ укрѣпленія осталася одна надежда, — на казачьихъ лошадей. В. А. говоритъ, что можно раздѣлить верблюдовъ нашихъ (вмѣсто того что дѣлили ихъ доселѣ на *годныхъ* и *негодныхъ*) на такихъ, которые околѣваютъ по собственному усмотрѣнію и на свободѣ, и такихъ, которые околѣваютъ на службѣ государству. Я думаю можно раздѣлить ихъ просто на дохлыхъ и на издыхающихъ.

X.

8 Марта 1840. На Эмбѣ.

Всѣ письма Оренбургскія доказываютъ, что и тамъ даже не понимаютъ какъ должно настоящаго нашего положенія. Что же послѣ этого можно ожидать отъ Петербурга? Хвалятъ насъ за то, что мы воротились, что благоразуміе взяло верхъ надъ славолюбіемъ и другими страстишками. Я былъ свидѣтелемъ и знаю, чего стоила неудача эта тому, въ чью руку была положена и власть и отвѣтственность; но тутъ нельзя было не покориться необходимости. Выбору не было, противъ матиматической невозможности идти нельзя; а коли можно было сосчитать по пальцамъ, что даже и наличное число верблюдовъ не подыметъ необходимѣйшаго продовольствія для пути, не говоря уже о неминуемой убыли ихъ во время самаго похода, когда, поднявшись въ обратный путь на Эмбу бросили до 3000 четвертей и множество другихъ тяжестей — лодки, канаты, гвозди, кожи, соль, сало кошмы и

пр.: то дѣло было, кажется, довольно очевидно. Хвалить за рѣшимость, за самоотверженіе, значитъ въ этомъ случаѣ допускать еще какую нибудь возможность идти впередъ, а ея не было... Утромъ и вечеромъ не менѣе 13°–18°, а 4 Марта солнышко опять взошло самъ–третей; вскорѣ изъ побочныхъ солнцевъ образовались радужныя дуги и стояли почти до полудня. Мы стоимъ въ оврагѣ, на берегу Темира, закрыты, по видимому, отъ всѣхъ бурановъ; но окаянный поддувала не щадитъ насъ и здѣсь: на дняхъ были сильные, докучливые бураны. Изъ укрѣпленія почти все перевезено, послѣднихъ верблюдовъ переморили, досталось и лошадямъ, а между тѣмъ перевозка эта была необходима. Бай–Мохаммедъ ушелъ съ тремя сотнями за верблюдами, къ Уджрайцамъ; сотъ шесть ожидаемъ отъ васъ, да коли Богъ милостивъ, то около тысячи останется живыхъ изъ нашихъ десяти тысячъ; тогда мы можемъ весною подняться и дней въ 20 дойдемъ до Оренбурга, или по крайней

мѣрѣ до Илецкой. Дни тогда будутъ по длиннѣе и кормъ хорошій.....

*

Этимъ оканчиваются письма. Весна не по нашему быстро наступила, верблюды прибыли, отрядъ снялся по частямъ, поднявъ лишь путевые харчи и покинувъ все лишнее невольнымъ хозяевамъ своимъ, Киргизамъ; вся степь ярко зеленѣла избыткомъ корма, лишь мѣстами бѣлѣлись песчаныя прогалины. Вода стояла еще всюду въ ложбинахъ, попадалась и дичь, и рыба. Уцѣлѣвшіе радостно встрѣтились съ семьями и друзьями своими, а принесшіе въ себѣ неисцѣлимую немочь цынги отправились помирать по больницамъ.....

В. ДАЛЬ.